

18+

Юрий Драздов

**Инвентарь:
Твоя душа.
Стая в пустоте**

Юрий Драздов Инвентарь: Твоя душа. Стая в пустоте

<https://litres.ru/74156317>

ISBN 9785007028806

Аннотация

Макс, Архитектор со сломанной системой из ста слотов, выживает в мире, где голод стирает память, а вещи требуют крови. Отбиваясь от Костоломов и Наблюдателя, он собирает отчаянную гильдию «Пустой карман» и учится слышать опасность телом — «звериным тактом». Но цена сытости — человеческая жизнь. Переступая через жалость, Макс превращается из спасителя в абсолютного хищника, для которого убийство становится работой с дневной нормой в пять жертв.

Содержание

Глава 1. Звериный такт	6
— — Часть 2. Дорога, которую не видно	16
— — Часть 3. Ночь, которая научила слушать	26
— — Часть 4. Бой, которого не ждали	32
— — Часть 5. Утро звериного такта	37
Глава 2. Первый призыв	42
Часть 1. Мешок, который дышит	43
Часть 2. Содержимое	50
Часть 3. Призыв	54
Часть 4. Кровь	56
Часть 5. Цепная реакция	58
Часть 6. Кормёжка оптом	61
Часть 7. Разбегание стаи	64
Часть 8. Новый порядок	67
Часть 9. Утро новой стаи	71
Глава 3. Оружие без имени	79
Часть 2. Лес, который не помог	89
Часть 3. Испытание железом	95
Часть 4. Переговоры с немым	102
Часть 5. Ночной разговор	108
Часть 6. Утро нового договора	112
Часть 7. Бой с Голодным карманом	116
Часть 8. Тишина после боя	120

Часть 9. Клиффхэнгер	124
Глава 4. Гнездо беженцев	129
— — Часть 1. Голодный счётчик	130
— — Часть 2. Дорога к пещере	141
— — Часть 3. Три минуты	151
— — Часть 4. Пир вещей	162
— — Часть 5. Тишина после	170
— — Часть 6. Ночь новой сытости	181
— — Часть 7. Утро новой недели	187
Глава 5. Первая стая	193
Часть 2. Дорога к отбросам	202
Часть 3. Первая охота	213
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Инвентарь: Твоя душа. Стая в пустоте

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-2880-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Звериный такт

— —

Часть 1. Утро, которое не принесло облегчения

1.

Макс проснулся от холода.

Не от того, который пробирает до костей на сыром ветру. Не от того, который сковывает пальцы после долгой неподвижности на холодной земле. Другой холод. Глубокий, внутренний, как будто кто-то опустил ледяную иглу в правый бок — туда, где в сетке 10 на 10 пульсировал слот с кинжалом.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к шершавой стене неглубокого оврага. Поза была знакомой до боли — он спал так последние несколько дней, с тех пор как голоса вещей начали затихать, уступая место чему-то другому. Чему-то, что не говорило, но чувствовало. Над ним нависал серый свод — не небо, а сплетение корней и камней, пульсирующих в такт чему-то огромному и голодному. Рядом, в метре, догорал костёр. Угли шипели, выбра-

сывая последние искры в сырой воздух, пахнувший железом, прелой листвой и чем-то сладковато-приторным — запахом вчерашней крови. Запах въелся в одежду, в волосы, в кожу. Макс больше не замечал его. Он стал частью воздуха, как и всё остальное в этом мире.

Он не открывал глаза. Он слушал.

Сначала — ничего. Только редкие капли воды, падающие с веток на землю. Только чьё-то прерывистое дыхание. Денис, тот самый, с одним слотом и пустыми глазами, который забыл имя дочери три дня назад, дышал тяжело, с присвистом — спал, но не отдыхал. Только шелест чьих-то тряпок. Женщины, которые никогда не спали спокойно, ворочались во сне, что-то шептали — молитвы? Имена? Он не разбирал. Только пульсация слотов. Его собственных — сто ячеек, пульсирующих в разном ритме. Миры — три, ровно, как метроном. Дениса — один, тревожно, почти красным. Тени — один, слабо, едва заметно.

А потом — снова холод. Короткий, резкий укол в правом боку, как будто кинжал сам дёрнулся в слоте, предупреждая о чём-то, о чём сознание ещё не знало. Укол был быстрым, как укус насекомого, и таким же болезненным. Макс замер, не дыша, прислушиваясь к себе. Холод пульсировал — три удара, потом пауза, потом ещё два. Не ритм, который

он узнавал. Что-то новое. Что-то, что кинжал пытался сказать ему без слов.

Макс открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Овраг, в котором они укрылись, был неглубоким — метра три в глубину, метров десять в длину. Стены из глины и камня, кое-где подпёртые прогнившими досками. Дно утрамбованное, усеянное мелким мусором, костями и пятнами засохшей крови. Кости были не только звериными — он видел человеческие фаланги, обломки рёбер, черепную коробку, расколотую надвое. Кто-то умер здесь. Кто-то, у кого не было слотов. Или были, но они погасли вместе с ним.

Он сел, опираясь на здоровую руку. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, впуская воздух, потом сжались снова, плотнее прилегая к телу. Хвосты, торчащие из-за спины, слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки. Она сканировала пространство, даже когда он спал. Макс чувствовал её работу как лёгкое жжение в позвоночнике — сенсоры проверяли радиус в пятьдесят метров, выискивая красные пятна. Сегодня утром красных пятен не было. Только серые, только мёртвые, только свои.

Вокруг, на земле, укрытые рваными тряпками и старой одеждой, спали беженцы. Одиннадцать человек. Взрослые и дети. Меньше, чем неделю назад. Гораздо меньше, чем должно было быть. Макс пересчитал их — привычка, от которой он не мог избавиться. Пять женщин, четверо мужчин (если считать Дениса и Тень), пятеро мальчиков, четверо девочек. Самой маленькой было два года — девочка с тёмными волосами, которую мать называла «Соня», потому что она спала больше, чем ела. Она спала и сейчас, прижавшись к материнской груди, и её лицо было спокойным — слишком спокойным для ребёнка, который родился в этом аду.

Денис сидел у входа в овраг — узкого проёма, заваленного сухими ветками, — сжимая в руке нож. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он забыл имя дочери. Сегодня он, наверное, забудет её лицо. А завтра — забудет, зачем он здесь. Макс знал это. Он видел, как умирает память — не сразу, по кускам. Сначала имя, потом лицо, потом голос, потом чувство. Остётся только пустота. И слот, который требует, чтобы её заполнили.

Тень — бывший Костолом, которого Макс взял в отряд после того, как тот встал между ним и скелетом, — лежал в углу, укрытый рваной курткой. Его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно. Он был жив. Но насколько —

никто не знал. Рана на животе затянулась, но внутри ещё что-то кровоточило — система не показывала, что именно. Тень не жаловался. Он просто лежал и смотрел в потолок, и его глаза были пустыми, как небо в этом мире.

Мира сидела у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному камню. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живнца, которую она выпила вчера, сделала своё дело. Рана затягивалась, но розовый рубец ещё болел — Мира морщилась, когда шевелила рукой. Она не показывала боли. Она никогда не показывала.

Она смотрела на него. Не спала. Никогда не спала.

— Ты ворочался, — сказала она тихо, чтобы не разбудить детей. — Всю ночь. Бормотал что-то про холод. Не как человек — как собака, которая чует бурю. Твои руки дёргались. Пальцы сжимались и разжимались. Ты что-то искал во сне.

— Я чувствовал, — ответил Макс, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал. — Он чувствовал. Кинжал. Он знал, что рядом кто-то был. Кто-то, кто хотел нас убить. Не думал — чувствовал. И передавал это мне. Не словами — телом.

Он перевёл взгляд на сетку в правом углу глаза.

Сто слотов. Десять на десять. Четыре активных. Девяносто пять заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который оказался не даром, а кредитом.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 19%

Автофаг: приостановлен на 14 часов

Урон здоровья: 70%

Риск психотической перегрузки: 48%

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 60% эффективности)

Он прочитал цифры, и они показались ему насмешкой. Девятнадцать процентов сытости — это почти голодная смерть. Автофаг вернётся через четырнадцать часов — значит, к полудню его слоты начнут жрать его вещи. Сначала мелочь — флаги, амулеты, камни. Потом — оружие. Потом

— броню. А потом — его самого. По частям. Без очереди.

Урон здоровья семьдесят процентов — это красная зона. Он был как ходячая рана, как человек, который уже должен был умереть, но продолжал дышать по привычке. Кожа на руках была серой, под ногтями — чёрные точки. Кровь, которая ещё не засохла, пахла железом. Кровь, которая засохла, превратилась в корку, трескалась при каждом движении.

Риск почти пятьдесят процентов — это грань, за которой голоса начинают просачиваться в сны. Он уже был там. Он знал, как это — слышать их даже с закрытыми глазами, даже когда они молчат. Шёпот на грани слышимости, который нельзя разобрать, но нельзя игнорировать. Он ждёт. Он всегда ждёт.

Но сегодня утром голоса молчали. Не кинжал, не «Кукла», не старый меч, не «Слеза Ворона». Только холод. Рефлекс. Ощущение, которое нельзя было назвать словом. Оно было слишком примитивным для слов. Слишком древним. Слишком... звериным.

— Кто-то приходил? — спросила Мира.

— Не знаю, — ответил Макс. — Кинжал знал. Он чувствовал. А я нет. Я спал. Я не чувствовал ничего, пока он не

ударил меня холодом.

Он поднялся, подошёл к выходу, отодвинул ветки. Лес встретил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Лес дышал. Лес смотрел. Лес ждал.

Следов у входа не было. Ни человеческих, ни звериных. Только влажная земля, присыпанная пеплом и мелкими камнями. Но холод в правом боку не врал. Он никогда не врал. Это было единственное, в чём Макс был уверен. Единственное, что осталось от голосов, которые когда-то кричали в его голове, требуя крови, защиты, тишины.

Он присел на корточки, провёл пальцем по земле. Земля была холодной — не ледяной, а именно холодной, как утренний воздух. Никаких отпечатков. Никакого запаха. Только пустота. Но холод в боку пульсировал. Кто-то был здесь. Кто-то, кого не увидишь, не услышишь, не понюхаешь. Кто-то, кого можно только почувствовать.

Макс вернулся в овраг, сел у костра, подбросил несколько сухих веток. Пламя вспыхнуло ярче, осветило лица спящих — бледные, измождённые, с запавшими глазами и потрескавшимися губами. Дети. Пять мальчиков и четыре девочки.

Самому маленькому было года три, не больше. Он спал, прижавшись к матери, и его лицо было спокойным — слишком спокойным для ребёнка, который родился в этом аду. Макс смотрел на него и чувствовал, как внутри него, в том месте, где раньше билась тревога, пульсирует пустота. Не жалость — ответственность. Он привёл их сюда. Он обещал защиту. Он был главой гильдии «Пустой карман». И если он ошибётся, они умрут.

— Нам нужно двигаться, — сказал он Мире. — Кинжал предупредил. Не словами — холодом. Кто-то был рядом ночью. Может быть, Костоломы. Может быть, монстры. Может быть, тот, кого мы ещё не видели. Неважно. Они знают, где мы. Они вернутся.

— Куда мы пойдём? — спросила Мира, и в её голосе не было страха — была усталая констатация. — Лес пуст. Псы ушли. Костоломы стоят на месте. Твои слоты голодны. Твоя сытость падает. Если мы не найдём еду сегодня, к вечеру автофаг вернётся. А к утру — ты умрёшь. Или станешь деревом. Или камнем. Или пустотой.

Макс посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они были спокойными, уверенными, как у человека, который знает, что делать. Но он не знал. Он знал только, что холод в правом боку не врал. И что нужно идти туда, где холод стихает.

Потому что это означало, что угроза отступает. Или прячется. Или ждёт.

— На юг, — сказал он. — К болоту. Там, где деревья гниют, а воздух пахнет смертью. Там никто не ждёт. Там никто не охотится. Там мы сможем отдохнуть.

— Или умереть, — сказала Мира.

— Или умереть, — согласился Макс.

— — Часть 2. Дорога, которую не видно

2.

Они выступили через час. Солнце — или то, что здесь называлось солнцем, — поднялось чуть выше, окрасив серое небо в более тёмный оттенок серого. Дети шли в центре, прижавшись к женщинам. Денис замыкал, сжимая в руке нож. Тень опирался на палку — его рана ещё болела, но он держался. Мира шла впереди, чуть правее Макса, и её три слота пульсировали ровно, но тревожно.

Макс шёл первым, сжимая в руке кинжал. Тот был холодным — не ледяным, а именно холодным, как утренний воздух. Он не требовал крови. Не вибрировал. Не мурлыкал. Он просто был. Как кусок металла. Как инструмент. Как предупреждение.

Лес встретил их серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Воздух был плотным, тяжёлым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким

— тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

Они шли молча. Дети не плакали — у них не было сил. Женщины не шептали молитвы — они их забыли. Только хруст веток под ногами, только редкие капли воды, падающие с веток, только пульсация слотов — его, Миры, Дениса, Тени, даже детей (у тех, у кого они были).

Макс шёл и чувствовал, как холод в правом боку пульсирует в такт его сердцу. Каждый раз, когда он приближался к развилке, холод становился слабее или сильнее. Он не знал, как это работает. Не знал, почему кинжал (или слот, или система) вдруг начал говорить с ним не голосом, а телом. Но он знал одно: он доверял этому холоду больше, чем любым словам. Слова могли лгать. Холод — нет.

Он вспомнил, как раньше кинжал требовал крови. Громко, настойчиво, как метроном. «Кровь. Кровь. Кровь». Голос был чужим, но он звучал в его голове, как собственный. Макс не мог заткнуть его. Мог только подчиниться или страдать. Теперь кинжал молчал. Но его молчание было не пустотой — оно было наполненным. Холодом. Пульсацией. Ощущением.

«Ты изменился», — подумал Макс, обращаясь к кинжалу. «Ты перестал говорить. Почему?»

Кинжал не ответил. Но холод в правом боку стал чуть теплее — на градус, не больше. Макс не знал, что это значило. Согласие? Отрицание? Просто рефлекс?

— Ты снова молчишь, — сказала Мира, идя рядом. — Раньше ты говорил с ними вслух. Спорил. Ругался. Теперь ты просто... идешь. И смотришь. Как будто слушаешь что-то, чего никто не слышит.

— Я слушаю, — ответил Макс. — Не ушами — телом. Кинжал говорит со мной через холод. Когда опасность близко — холод сильнее. Когда далеко — слабее. Это не слова. Но это понятнее слов.

— И ты веришь этому?

— А у меня есть выбор?

Мира молчала. Она знала — выбора нет. Как и всегда.

3.

Они шли ещё час. Лес становился всё более неправильным. Деревья наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды, под которыми царил полумрак. Корни высту-

пали из земли, как пальцы мертвецов. Воздух стал таким тяжёлым, что каждое дыхание давалось с трудом.

Макс остановился на краю небольшой поляны, окружённой молодыми соснами. Поляна была пустой — ни зверей, ни людей, ни даже камней. Только трава — жёлтая, сухая, шелестящая под ветром, которого не было.

— Здесь отдохнём, — сказал он, опускаясь на землю. — Дальше идти опасно — слишком темно. Разведём костёр, поедим, отдохнём.

— Еды нет, — сказала Мира, садясь рядом. — Ты не принёс добычи вчера. Запасы на исходе. Дети едят раз в день. Денис забыл имя дочери. Тень еле стоит на ногах. Мы не можем отдыхать. Мы должны идти.

— Если мы не отдохнём, мы не сможем идти, — ответил Макс. — Я — не машина. Я — человек. Я теряю кровь. Я не спал нормально уже несколько дней. Моя броня холодна. Мои слоты голодны. Остановись. Хотя бы на час.

Мира смотрела на него долго, тяжело. Потом вздохнула — по-стариковски, хотя ей не было и тридцати.

— Хорошо. Час. Но потом — идём. Даже если ты упа-

дѣшь.

Макс кивнул. Он достал из первого слота остатки мяса — штабель из двух туш псов, которых он убил три дня назад. Мясо было жёстким, жилистым, почти чёрным в сером свете, но съедобным. Он разорвал его на несколько кусков, раздал детям. Дети ели молча, быстро, жадно, не жуя. Взрослые — медленно, экономно, откладывая куски на потом. У них был опыт голода. Они знали, что сегодняшняя еда не гарантирует завтрашней.

Макс не ел. Он сидел у костра, сжимая в руке кинжал, и смотрел на огонь. Пламя было жёлтым, живым, пахло дымом и смолой. Оно не пульсировало, как деревья, и не шептало, как камни. Оно просто горело. И это было хорошо.

Холод в правом боку был ровным, спокойным. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать. Макс не знал. Он только знал, что сейчас, в эту минуту, они в безопасности. Насколько это вообще возможно в этом мире.

4.

Через час они двинулись дальше. Макс шёл впереди, и холод в правом боку пульсировал слабо, едва заметно. Кинжал

молчал — не предупреждал, не требовал. Просто был.

Они вышли к старому кабаньему капкану. Он лежал у корней огромного дуба — ржавый, проржавевший насквозь, с зазубренными краями. Когда-то, давно, он был опасен. Теперь — просто груда металла, вросшая в землю, покрытая мхом и плесенью. Капкан не пульсировал. Он был мёртвым. Как всё, что переставало быть частью системы.

Макс остановился в двадцати метрах от него. Взглянул на капкан, потом на кинжал в руке. Тот был холодным — обычным, без пульсации, без тепла. Он не предупреждал. Не чувствовал.

— Проверь, — сказала Мира, глядя на него. — Ты говорил, что холод не врёт. Проверь. Подойди ближе.

Макс колебался секунду. Потом сделал шаг вперёд. Ещё шаг. Ещё.

На пятнадцати метрах ничего не изменилось. Кинжал оставался холодным. Холод в правом боку — ровным, спокойным. Ни пульсации, ни тепла, ничего.

На десяти — то же самое.

На пяти — ничего.

Он подошёл к капкану вплотную, нагнулся, коснулся ржавого металла рукой. Тот был холодным — не ледяным, а именно холодным, как мёртвая плоть. Ни вибрации, ни пульсации, ни голоса. Мёртвый. Как камень. Как дерево. Как всё, что не ест, не дышит, не требует.

Кинжал молчал. Система молчала.

— Не работает, — сказал он, поворачиваясь к Мире. — Или работает, но не на мёртвое железо. Только на живое.

— Или только на то, что может убить, — ответила Мира. — Капкан мёртв. Он никого не убьёт. Он просто лежит. А кинжал чувствует живую угрозу. Ту, которая дышит. Которая жрёт. Которая хочет.

Макс кивнул. Это имело смысл. В этом мире всё, что живо — голодно. Всё, что голодно — опасно. А кинжал был частью этого мира. Он тоже был голоден. Он тоже чувствовал чужой голод.

Он отошёл от капкана, и в тот же миг холод в правом боку стал слабее. Он не исчез — он просто затих, как зверь, который забился в нору. Угроза отступила. Или затаилась.

5.

Они прошли ещё километр, когда Макс впервые почувствовал, как холод в правом боку меняется.

Не становится сильнее или слабее — он менял ритм. Пульсировал быстрее, неровно, как сердце кролика, который чует хищника. Три быстрых удара, пауза, два медленных, пауза, снова три быстрых. Кинжал пытался сказать что-то. Что-то, для чего у него не было слов.

Макс замер, поднял руку, призывая к тишине.

— Там, — сказал он, показывая на заросли папоротника в тридцати метрах слева. — Что-то есть. Живое. Кинжал чувствует. Он говорит — не словами, ритмом.

Мира выхватила нож, встала за его спиной, прикрывая детей. Денис замер у входа в овраг (они снова вернулись в ту самую старую каменоломню, с пульсирующими стенами и слот-номерами), сжимая нож. Тень опирался на палку, и его единственный слот пульсировал тревожно.

Макс шагнул вперёд, сжимая кинжал. Тот был холодным — не ледяным, а именно холодным, как утренний воздух.

Но в этом холоде, в этой пульсации, было что-то новое. Не предупреждение — приглашение. Кинжал не боялся — он хотел. Он хотел того, что скрывалось в зарослях.

Из зарослей вышел пёс. Не гнилой — живой. Бурый, крупный, с жёлтыми глазами, горящими голодом. Он не рычал — он смотрел. Смотрел на Макса, на его броню, на кинжал в руке. И в его глазах не было страха — была оценка. «Добыча? Или хищник?»

Холод в правом боку стал сильнее. Не намного — на градус, не больше. Но достаточно, чтобы Макс понял: угроза реальна. Пёс не убежит. Он нападёт. Через секунду. Или через минуту. Но нападёт.

— Уходи, — сказал Макс вслух. Голос его был спокойным, ровным, как у человека, который не боится ни смерти, ни жизни. — Ты не моя добыча. Не сегодня.

Пёс не ушёл. Он стоял, смотрел, и его жёлтые глаза пульсировали в такт чему-то, чему-то, чего Макс не знал. Может быть, его собственному голоду. Может быть, системе. Может быть, просто жизни.

Холод в правом боку стал сильнее. Кинжал в руке стал теплее — не горячим, а именно тёплым, как живое тело.

Он требовал крови. Не словами — телом. Макс чувствовал, как его пальцы сжимают рукоять сильнее, чем он хотел. Как мышцы предплечья напрягаются, готовые к удару. Как сердце бьётся быстрее — в такт пульсации кинжала.

Он колебался секунду. Потом покачал головой.

— Нет, — сказал он, обращаясь не к псу — к кинжалу. — Не сегодня. Сегодня мы отдыхаем.

Он повернулся и пошёл обратно к каменоломне. Пёс смотрел ему вслед, но не напал. Или не успел. Или не захотел. Или просто ждал другого момента.

Холод в правом боку стал слабее. Кинжал остыл. Он не спорил. Он просто ждал. Как всегда.

— — Часть 3. Ночь, которая научила слушать

6.

К вечеру они вернулись в каменоломню. Макс не принёс добычи — сытость упала до 17%, автофаг приближался. Но он принёс знание. Знание, которое было дороже любого мяса.

Он сидел у костра, сжимая в руке кинжал, и смотрел на огонь. Пламя было жёлтым, живым, пахло дымом и смолой. Оно не пульсировало, как деревья, и не шептало, как камни. Оно просто горело. И это было хорошо.

Мира сидела рядом, прислонившись к его плечу.

— Ты отпустил пса, — сказала она. — Почему? Ты был голоден. Твои слоты были голодны. Кинжал требовал крови. Почему ты не убил?

— Потому что не хотел, — ответил Макс. — Потому что он не нападал. Потому что я — не мясник. Я — охотник. А охотник выбирает добычу. Не убивает всё подряд.

— Твой кинжал не согласен, — сказала Мира.

— Кинжал — не я, — ответил Макс. — Он — инструмент. Инструмент не выбирает. Он только убивает. Я выбираю.

Он посмотрел на кинжал. Тот был тёплым — не горячим, не холодным, а именно тёплым, как живое тело. Он не требовал — он ждал. Ждал, когда Макс ошибётся. Когда ослабнет. Когда согласится.

«Я не соглашусь», — подумал Макс. «Я — хозяин. Я — Архитектор. Я строю порядок из хаоса. Даже если порядок — это отказ от лёгкой добычи».

Кинжал не ответил. Но его тепло стало чуть слабее — на градус, не больше.

7.

Ночью Макс не спал. Сидел у костра, прислонившись спиной к холодной стене, и слушал. Не лес — он научился не слушать лес, там всегда было что-то опасное. Он слушал себя. Свои слоты. Свои голоса.

Голоса молчали. Кинжал не требовал крови. «Кукла» не

шептала. Старый меч не вздыхал. «Слез Ворона» не предлагала сделок. Только холод. Ровный, спокойный, пульсирующий в такт его сердцу. Холод, который стал частью его тела, как дыхание, как сердцебиение, как сны, которых он больше не видел.

Он закрыл глаза и провалился в нечто среднее между сном и явью. В этом месте, на грани, он слышал не голоса — ощущения. Кинжал чувствовал лес. Каждое дерево, каждый камень, каждое живое существо в радиусе ста метров. Он передавал это Макс не словами — импульсами. Холодными, тёплыми, пульсирующими.

И в этих импульсах, в этой немой речи, Макс начал различать смысл.

Тёплое — безопасность. Свои. Дети. Мира. Денис. Тень. Те, кто не нападёт.

Холодное — угроза. Чужие. Костоломы. Псы. Монстры. Те, кто голоден.

Пульсирующее — неопределённость. Животное, которое не решило, нападать или убегать. Человек, который колеблется. Враг, который ещё не стал врагом.

Макс открыл глаза. Костер прогорел почти полностью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры. Мира спала, прислонившись к его плечу. Дети спали. Женщины — тоже. Только Денис сидел у входа, сжимая нож, и его слот пульсировал ровно, спокойно.

Холод в правом боку был ровным, спокойным. Ни угроз, ни неопределённости. Только тишина.

Но Макс знал — это ненадолго. Скоро лес проснётся. И тогда холод вернётся. И тогда он должен будет выбрать: убивать или умирать.

Он не знал, что выберет. Но он знал, что кинжал уже выбрал за него.

8.

Под утро холод вернулся.

Не резко — плавно, как вода, которая поднимается в реке после дождя. Сначала — лёгкое покалывание в правом боку, как от иглы. Потом — тянущая боль, как от старой раны, которая ноет перед дождём. Потом — пульсация. Быстрая, неровная, как сердце кролика, который чует хищника. Пять быстрых ударов, пауза, три медленных, пауза, снова

пять быстрых. Кинжал кричал. Без голоса. Телом.

Макс проснулся мгновенно. Не от крика, не от шума — от холода. Он сел, выхватил кинжал. Тот был горячим — почти обжигающим. «Заводная кукла» зашевелилась — хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке. Пластины-позвонки раскрылись, выпуская иглы. Сенсоры сканировали пространство — и находили красные пятна. Много красных пятен.

«Трое, — сказала „Кукла“ мысленно, и её голос был низким, рычащим, как у зверя, который не привык ждать. — Костоломы. Разведчики. У одного — восемь слотов. У второго — шесть. У третьего — три. Они идут к нам. Не скрываются. Они знают, где мы».

— Кто-то есть, — сказал он, не оборачиваясь к Мире. — Снаружи. Кинжал чувствует. Трое. Костоломы.

Мира уже стояла на ногах, сжимая нож. Её три слота пульсировали тревожно, почти красным.

— Сколько? — спросила она.

— Трое, — повторил Макс. — Разведчики. Они идут к нам. Не прячутся.

Макс подошёл к выходу, прильнул к щели между камнями. Лес был пуст. Серый, пульсирующий, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но вдалеке, на краю поляны, он увидел силуэты. Три. Они двигались — медленно, уверенно, как охотники, которые знают, что добыча никуда не денется.

Он сжал кинжал. Тот был горячим — он чувствовал кровь. Холод в правом боку стал почти невыносимым — ледяным, как смерть. Кинжал кричал. Не словами — всем телом.

— Уходите, — сказал он Мире. — Уводи детей в глубь каменоломни. Я встречу их сам.

— Нет, — ответила Мира. — Мы вместе.

— Вместе мы умрём, — сказал Макс. — Я один. Они трое. Это почти честно.

Он шагнул в серый свет.

— — Часть 4. Бой, которого не ждали

9.

Костоломы не скрывались. Они шли открыто, с мечами наголо, с арбалетами наизготовку. Тот, что с восемью слотами, был в тяжёлой броне — металлической, блестящей даже в сером свете. Тот, что с шестью, нёс два коротких меча и кожаный доспех. Тот, что с тремя, был почти безоружен — только нож и отчаяние в глазах.

Они остановились в десяти метрах от Макса. Рассредоточились — один справа, один слева, один прямо. Профессионалы. Не новички.

— Аномалия, — сказал тот, что с восемью слотами, и его голос был низким, спокойным, как у человека, который видел всё и устал удивляться. — Сто слотов. Четыре активных. Девяносто пять заблокированных. Одна мёртвая. Ты — не игрок. Ты — ошибка. И ошибки надо исправлять.

— Я — Архитектор, — ответил Макс, сжимая кинжал. — Я строю порядок из хаоса. А вы — хаос. Я исправлю вас.

Костолом усмехнулся. Его слоты мигнули — и он бросился вперёд.

Макс не успел уклониться — но «Заводная кукла» успела. Хвосты выстрелили одновременно — один в шею, второй в грудь. Костолом отшатнулся, но не упал. Его броня — чёрная, пульсирующая — выдержала удар. Он замахнулся мечом — и холод в правом боку Макса стал ледяным.

Кинжал в его руке дёрнулся сам. Не по его воле — по рефлексу. Он поднялся, блокируя удар. Металл зазвенел, искры посыпались в разные стороны. Макс почувствовал, как его рука вибрирует — не от напряжения, от голода. Кинжал хотел есть. Он хотел крови.

«Дай мне, — сказал кинжал, и это была не мысль — импульс. Холодный, требовательный, как приказ. — Дай мне его. Я убью. Ты даже не почувствуешь».

Макс колебался секунду. Потом шагнул вперёд, уходя от удара, и вонзил кинжал в незащищённую шею Костолома.

Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом и чем-то сладким, как переспелые фрукты. Костолом не закричал — только выдохнул, и его восемь слотов погасли один за

другим. Он упал на колени, потом на бок, потом замер.

Кинжал вибрировал — довольно, сыто. Он получил своё.

10.

Второй Костолом — тот, что с шестью слотами, — бросился на Макса с двумя мечами. Он был быстрее первого, агрессивнее. Его удары сыпались градом — справа, слева, сверху. Макс едва успевал блокировать — кинжал двигался сам, рефлекторно, подстраиваясь под каждую атаку.

Холод в правом боку пульсировал — быстро, хаотично. Кинжал не просто чувствовал угрозу — он предугадывал её. Каждый удар врага был предсказан за долю секунды до того, как меч начинал движение. Макс не понимал, как это работает. Он просто доверял.

«Слева», — сказал холод. Макс поднял кинжал — и блокировал удар, который пришёлся бы ему в бок.

«Сверху», — сказал холод. Макс отшатнулся — и меч просвистел в сантиметре от его лица.

«Сейчас», — сказал холод. Макс вонзил кинжал в живот врага.

Второй Костолом упал. Его шесть слотов погасли.

11.

Третий — тот, что с тремя слотами, — не нападал. Он стоял, сжимая в руке нож, и его глаза были полны ужаса. Он был молод — лет восемнадцати, не больше. Его броня была рваной, оружие — ржавым. Он не был воином. Он был мальчиком, которого послали на смерть.

— Пощади, — прошептал он, и его голос был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — Я не хотел. Меня заставили.

Макс смотрел на него. Холод в правом боку пульсировал — слабо, нерешительно. Кинжал не требовал крови. Он чувствовал — этот не враг. Этот — жертва.

— Уходи, — сказал Макс. — Беги. Расскажи своим, что аномалия сильнее. Что охота стоит слишком дорого. И что если они придут снова — я убью всех. Не одного, не двух — всех.

Мальчик не заставил себя ждать. Он развернулся и побежал, спотыкаясь, исчезая между стволами.

Холод в правом боку стал ровным, спокойным. Кинжал затих. Он получил двух — этого было достаточно.

— — Часть 5. Утро звериного такта

12.

Макс стоял над телами, тяжело дыша. Кинжал в его руке был тёплым — довольным. «Кукла» замерла — её хвосты опустились, пластины-позвонки сжались. Она была сыта. Довольна.

Он вытер кинжал о траву, убрал в слот. Повернулся и пошёл обратно в каменоломню.

Мира встретила его у входа, сжимая нож. Её лицо было бледным, но спокойным.

— Ты убил их, — сказала она. Не спросила — констатировала.

— Двоих, — ответил Макс. — Одного отпустил. Пусть расскажет вожаку, что мы опасны.

— Ты рисковал, — сказала Мира. — Если бы он вернулся с подкреплением...

— Он не вернётся, — сказал Макс. — Он слишком напуган.

Он сел у костра, прислонился спиной к холодной стене. Мира села рядом.

— Ты снова слушал холод, — сказала она. — Не голоса — холод. Он подсказывал тебе, куда бить, когда уклоняться. Это... это странно. Даже для тебя.

— Это выживание, — ответил Макс. — Кинжал чувствует опасность раньше, чем я. Раньше он говорил. Требовал. Угрожал. Теперь он молчит. Но он всё ещё чувствует. И он передаёт это мне. Не словами — телом.

— А ты доверяешь ему?

— А у меня есть выбор?

Мира молчала. Она знала — выбора нет. Как и всегда.

13.

Макс открыл интерфейс.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 17% $\rightarrow$ 23% (убийство двух Костоломов)

Урон здоровья: 70% $\rightarrow$ 72% (микротравмы от боя)

Риск психотической перегрузки: 48% $\rightarrow$ 44% (снижение за счёт рефлекторного, а не ментального контроля)

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 65% эффективности)

Новая способность: «Рефлекторный блок» — кинжал может блокировать удары без команды хозяина (шанс 40%).

Макс закрыл интерфейс. Двадцать три процента сытости. Это было мало. Но это было больше, чем вчера. И он знал, где взять ещё.

Он поднялся, подошёл к выходу, прильнул к щели между камнями. Лес был серым, пульсирующим, живым. Но сегодня он не боялся. Он чувствовал.

Холод в правом боку пульсировал — слабо, едва заметно. Где-то там, в глубине леса, была добыча. Может быть,

псы. Может быть, монстры. Может быть, Костоломы. Неважно. Кинжал знал. Кинжал чувствовал. Кинжал подскажет.

— Сегодня мы охотимся, — сказал он Мире. — Не для сытости. Для тренировки. Я должен научиться слышать его без голоса.

— А если ты ошибёшься? — спросила Мира.

— Тогда умру, — ответил Макс. — Или стану деревом. Или камнем. Или пустотой. Неважно.

Он шагнул в серый свет. Лес встретил его пульсирующей корой и запахом железа. Холод в правом боку стал чуть сильнее — Кинжал чувствовал добычу.

Макс улыбнулся. Не губами — телом. Он был готов. Или не был. Но он знал: холод не врёт. Никогда.

— —

Итог главы

· Макс открывает новый способ взаимодействия с инвентарём — «Звериный такт» (холод/тепло/пульсация вместо голосов).

- Голоса вещей временно подавлены (не исчезли, но не мешают).
- Риск психотической перегрузки снижается за счёт перехода на телесный уровень.
- Макс убивает двух Костоломов, полагаясь не на сознание, а на рефлекс кинжала.
- Сытость частично восстановлена.
- Зарождается понимание: «Я — не слушаю, я — чувствую».

Глава 2. Первый призыв

Часть 1. Мешок, который дышит

Макс проснулся от запаха.

Не от того, который пробирает до костей на сыром ветру. Не от того, который сковывает пальцы после долгой неподвижности на холодной земле. Другой запах. Глубокий, внутренний, сладковато-приторный — запах страха. Человеческого страха. Концентрированного, как живица, которую вываривают из слотов мёртвых игроков.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к шершавой стене неглубокого оврага. Поза была знакомой до боли — он спал так последние несколько дней, с тех пор как голоса вещей начали затихать, уступая место чему-то другому. Чему-то, что не говорило, но чувствовалось. Над ним нависал серый свод — сплетение корней и камней, пульсирующих в такт чему-то огромному и голодному. Рядом догорал костёр. Угли шипели, выбрасывая последние искры в сырой воздух.

Запах страха шёл из угла оврага, где лежал мешок.

Мешок был старым — кожаным, потертым, с потускневшими металлическими пряжками. На боку — нашивка: че-

реп, перечёркнутый мечом. Гильдия. Не Костоломы — другая, более древняя. Макс не знал такой. Нашивка не пульсировала — она была мёртвой, как и всё, что когда-то принадлежало её владельцу. Но мешок внутри не был мёртвым. Он дышал.

Макс открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Овраг, в котором они укрылись, был неглубоким — метра три в глубину, метров десять в длину. Стены из глины и камня, кое-где подпёртые прогнившими досками. Дно утрамбованное, усеянное мелким мусором, костями и пятнами засохшей крови. Кости были не только звериными — человеческие фаланги, обломки рёбер, черепная коробка, расколотая надвое. Кто-то умер здесь. Кто-то, у кого не было слотов. Или были, но они погасли вместе с ним.

Он сел, опираясь на здоровую руку. «Заводная кукла» (та самая, которую он нашёл в кузнице мёртвого Архитектора) зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, впуская воздух, потом сжались снова, плотнее прилегая к телу. Хвосты, торчащие из-за спины, слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки. Она сканировала пространство, даже когда он спал. Макс чувствовал её работу как лёгкое жжение в позвоночнике — сенсоры проверяли радиус в пятьдесят

метров.

Вокруг, на земле, укрытые рваными тряпками и старой одеждой, спали беженцы. Одиннадцать человек утром вчера. Сейчас — девять. Двое ушли в лес на рассвете, забрав с собой полупустую флягу с водой. Макс их не остановил. Не потому, что не мог — потому, что не хотел. Те, кто боится, умирают первыми. Те, кто уходит, умирают вторыми. Он знал это. Кинжал знал это. Холод в правом боку знал это.

Мира сидела у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному камню. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живнца, которую она выпила вчера, сделала своё дело. Рана затягивалась.

Она не спала. Она смотрела на мешок.

— Он проснулся, — сказала Мира тихо, чтобы не разбудить детей. — Час назад. Сначала молчал. Потом начал шептать. Просил воды. Потом замолчал. Теперь просто лежит.

— Он знает, что будет, — ответил Макс, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал. — Он чувствует. Как зверь перед бойней.

Запах железа. Запах голода. Запах моих вещей.

Он перевёл взгляд на сетку в правом углу глаза.

Сто слотов. Десять на десять. Четыре активных. Девяносто пять заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Бесконечный предел, который оказался не даром, а кредитом.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 17%

Автофаг: приостановлен на 14 часов (вернётся через 14 часов)

Урон здоровья: 70%

Риск психотической перегрузки: 48%

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 60% эффективности)

Семнадцать процентов сытости. Это почти смерть. Автофаг вернётся к полудню — значит, его слоты начнут жрать его вещи. Сначала мелочь — фляги, амулеты, камни. Потом

— оружие. Потом — броню. А потом — его самого. По частям. Без очереди.

Макс посмотрел на мешок. Тот дышал — ровно, прерывисто, как человек, который боится сделать лишний вдох. Кожа мешка не пульсировала — она была мёртвой, как и всё, что когда-то принадлежало его владельцу. Но внутри билось живое сердце.

— Сколько мы можем продержаться без корма? — спросила Мира. Она уже знала ответ. Она спрашивала, чтобы напомнить.

— Шесть часов, — ответил Макс. — Потом автофаг проснётся. Сначала сожрёт амулет. Потом флягу. Потом старую броню. Потом кинжал. Потом меня.

— А если ты убьёшь его? — Мира кивнула на мешок. — Если скормишь его вещам?

Макс молчал. Он знал, что она права. Он знал, что другого выхода нет. Но знать и сделать — разные вещи. Вчера он поймал этого человека. Ночью он связал его, засунул в мешок, притащил в лагерь. Он не знал его имени. Не знал, есть ли у него семья, слоты, надежда. Он знал только, что этот человек дышал. Что его сердце билось. Что он был живым.

«Живой — значит еда», — подумал Макс. Это была не его мысль. Это был холод в правом боку. Кинжал говорил с ним без слов — пульсацией, температурой, ритмом. Сейчас кинжал был горячим — почти обжигающим. Он требовал крови. Он требовал корма. Он требовал, чтобы Макс открыл мешок.

— Я должен, — сказал Макс вслух. — Не для себя — для них.

Он кивнул на детей, которые спали в центре оврага, прижавшись к матерям. Пятеро мальчиков и четверо девочек. Самой маленькой было два года — девочка с тёмными волосами, которую мать называла «Соня», потому что она спала больше, чем ела. Она спала и сейчас, и её лицо было спокойным — слишком спокойным для ребёнка, который родился в этом аду.

— Они умрут, если ты умрёшь, — сказала Мира. — Не от голода — от Костоломов. От монстров. От холода. Ты — их единственная защита. Если ты падёшь — они падут следом.

Макс закрыл глаза. Голоса в голове молчали — кинжал не требовал, «Кукла» не шептала, старый меч не вздыхал. Только холод. Ровный, спокойный, пульсирующий в такт его

сердцу. Холод, который стал частью его тела, как дыхание, как сердцебиение, как сны, которых он больше не видел.

«Я — не слушаю, — подумал он. — Я — чувствую. И я чувствую, что должен».

Он поднялся, подошёл к мешку. Тот дышал чаще — пленник слышал шаги.

— Не надо, — прошептал голос из мешка. Слабый, прерывистый, как дыхание умирающего. — Я не сделал тебе ничего. Я просто шёл по лесу. Я никого не трогал. Пожалуйста.

Макс стоял над мешком, сжимая в руке кинжал. Тот был горячим — почти обжигающим. Он чувствовал кровь. Он хотел её. Холод в правом боку пульсировал — быстро, требовательно, как метроном. Кинжал кричал. Без голоса. Телом.

— Заткнись, — сказал Макс пленнику. — Твои слова ничего не меняют.

Он развязал мешок.

Часть 2. Содержимое

Пленник был молодым — лет двадцати, не больше. Худой, бледный, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу. Одежда — рваная толстовка, джинсы, один кроссовок (второй потерял по дороге). В правом углу глаза — один слот. Серый, пустой, пульсирующий тревожно, почти красным. Он был игроком. Когда-то. Теперь — просто мясо.

Он не пытался бежать. Его руки были связаны за спиной, ноги — скручены верёвкой. Он сидел, прислонившись к стене оврага, и смотрел на Макса. В его глазах не было ненависти. Не было страха. Был только ужас — глубокий, животный, как у кролика, который видит удава.

— Как тебя зовут? — спросил Макс, опускаясь на корточки.

— Я... я не помню, — ответил парень, и его голос дрожал. — Слот съел моё имя. Первым делом. Зови меня... зови меня Шорох. Потому что я — как звук в лесу. Меня слышно, но не видно.

— Шорох, — повторил Макс. — Хорошее имя. Ненадолго. Пока ты не умрёшь.

Парень — Шорох — сжался, попытался отодвинуться, но стена не пустила.

— Зачем ты поймал меня? — спросил он. — Если хотел убить — убил бы сразу. Ты же не убил. Ты притащил меня сюда. Зачем?

Макс молчал. Он смотрел на парня, и внутри него, в том месте, где раньше билась жалость, пульсировала пустота. Не жестокость — именно пустота. Как будто кто-то вырезал часть его души ножом и выбросил. Осталась только дыра. И холод.

— Мои вещи голодны, — сказал он наконец. — Ты — еда. Я — охотник. А охотник не убивает сразу. Он приносит добычу живьём, чтобы она не испортилась.

Шорох замер. Его слот мигнул — раз, два, три — и пульсация стала чаще, тревожнее. Он понял. Он знал, что будет. Он видел такое раньше. Или слышал. Или чувствовал.

— Не надо, — прошептал он. — Я буду работать. Я буду драться. Я буду есть мало. Возьми меня в отряд. Как Тень. Как Иглу. Я не буду обузой.

— Ты уже обуза, — ответил Макс. — У тебя один слот. Он пуст. Ты не можешь защищать. Не можешь охотиться. Не можешь даже идти быстро. Ты — балласт. А балласт сбрасывают.

Он поднялся, отошёл на шаг. Шорох смотрел на него снизу вверх, и в его глазах, в глубине, умирала надежда.

— Пожалуйста, — сказал он в последний раз. — Я не хочу умирать.

— Я тоже не хотел, — ответил Макс. — Но я убивал. И буду убивать. Потому что если я не убью — умрут другие.

Он повернулся к лагерю. Дети проснулись — они слышали голоса. Женщины прижали их к себе, закрывая глаза. Денис стоял у входа, сжимая нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал ровно, спокойно. Он не боялся. Он видел смерть раньше. Много раз.

Мира подошла к Максу, остановилась в метре.

— Ты уверен? — спросила она. — Это необратимо.

— Всё необратимо, — ответил Макс. — С того момента, как мы очнулись в этом лесу.

Он вытащил кинжал из слота. Тот был горячим — почти обжигающим. Лезвие пульсировало в такт его сердцу, и на металле, в глубине, проступили красные прожилки — голодные, требовательные, живые.

Часть 3. Призыв

Макс созвал всех.

Это было не собрание — смотр. Он хотел, чтобы они видели. Чтобы запомнили. Чтобы знали: он — не спаситель. Он — хищник. И если они хотят выжить, они должны быть хищниками. Или жертвами.

— Подойдите, — сказал он, и голос его был спокойным, ровным, как у человека, который не боится ни смерти, ни жизни.

Беженцы подошли. Женщины — бледные, с дрожащими руками. Дети — испуганные, но любопытные. Денис — молчаливый, с пустыми глазами. Тень — хромающий, опирающийся на палку. Мира — с ножом наготове.

Девять человек. Девять пар глаз, смотрящих на него. Кто с ужасом, кто с надеждой, кто с отвращением.

Макс подошёл к Шороху, взял его за верёвку и потащил к центру оврага. Парень не сопротивлялся — он был слишком напуган, чтобы бороться. Он только смотрел на Макса снизу вверх, и его глаза были полны слёз.

— Ты... ты собираешься убить меня? — спросил он, и голос его дрожал. — Прямо здесь? При всех?

— Не убить, — ответил Макс. — Накормить.

Он отпустил верёвку, и Шорох упал на землю. Лёжа на боку, связанный, он напоминал куклу — беспомощную, сло-манную, ненужную.

Макс встал над ним, поднял кинжал. Кинжал пульсировал — быстро, требовательно, как сердце кролика, который чует хищника. Красные прожилки на лезвии стали ярче. Он был готов.

— Смотрите, — сказал Макс, обращаясь к беженцам. — Запомните. Это — цена выживания.

Он опустил кинжал.

Часть 4. Кровь

Удар был быстрым, точным, жестоким.

Кинжал вошёл в левое бедро Шороха — туда, где нет крупных артерий, где боль долгая, а смерть медленная. Парень закричал — не от боли, от ужаса. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом.

Кинжал засветился. Не искрами — пульсацией. Красные прожилки на лезвии вспыхнули, и металл начал... пить. Кровь не застывала на поверхности — она впитывалась, втягивалась, исчезала. Кинжал кормился.

— Что... что ты делаешь?! — закричал Шорох, дёргаясь, пытаясь освободиться. Верёвки держали крепко. — Остановись! Пожалуйста!

Макс не ответил. Он смотрел на кинжал, и внутри него, в том месте, где раньше билась тревога, пульсировала пустота. Кинжал был счастлив. Он чувствовал это. Лезвие вибрировало — довольно, удовлетворённо, как сытый зверь.

Кровь текла по ноге Шороха, впитывалась в землю, смешивалась с золой и грязью. Запах железа ударил в нос, сме-

шиваясь с привычной сладостью прелой листвы. Это сочетание вызывало тошноту. Но никто не отвернулся.

Макс хотел, чтобы они смотрели.

Он вытащил кинжал из бедра — и вонзил его в плечо. Другой удар. Другая рана. Кровь хлынула с новой силой.

Кинжал вибрировал громче — он наслаждался.

Часть 5. Цепная реакция

Кинжал был не один.

Как только он начал кормиться, другие вещи в слотах Макса проснулись. Старый меч (тот, что с треснувшим лезвием, который он нёс с первых дней) зашевелился в своём слоте — не вылез, но заскрёбся изнутри, требуя своей доли.

«Дай мне, — сказал он мысленно, и его голос был низким, хриплым, как у человека, который долго молчал. — Я тоже хочу есть. Ты обещал».

«Заводная кукла» не требовала — она командовала. Её хвосты зашевелились, пластины-позвонки раскрылись. Она была голодна. Она хотела крови. Не крови врага — крови жертвы.

«Слеза Ворона» (чёрный кинжал, который он нёс для резки связей) молчала. Она не требовала. Она предлагала. Сделки. Разрезы. Свободу. Но сегодня она не предлагала ничего — она ждала. Смотрела. Оценивала.

Хищные латы — те, что лежали в пятом слоте, заблокированные после бунта, — зашептали. Тихим, шипящим шё-

потом, как змеи, которые греются на солнце.

«Живая боль, — шептали они. — Живая боль. Дай нам живую боль. Мы будем сильными. Мы будем защищать. Дай нам».

Макс чувствовал их всех. Их голода. Их требования. Их желания. Они давили на него изнутри, как вода на глубине. Он зажал уши руками, но голоса были внутри. Они шли из его собственного тела — из слотов, которые стали частью его, как сердце или лёгкие.

— Заткнитесь! — крикнул он вслух, и его голос разнёсся по оврагу, заставив беженцев вздрогнуть. — Я — хозяин! Я — Архитектор! Я строю порядок из хаоса! Вы будете есть, когда я скажу! Не вы — я решаю!

Голоса затихли. Не все — но большинство. Кинжал продолжал вибрировать — он не мог остановиться, он ел. Старый меч затих. «Кукла» подчинилась. Хищные латы зашипели, но замолчали. «Слеза Ворона» молчала — она всегда молчала.

Макс опустился на колени рядом с Шорохом. Парень был бледен, его губы посинели, глаза закатились. Он терял сознание — от боли, от потери крови, от ужаса.

— Ещё немного, — сказал Макс, и его голос был спокоен, как у врача, который делает операцию. — Ещё немного — и ты умрёшь. Быстро. Почти без боли.

— Ты... ты монстр, — прошептал Шорох, и его голос был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего.

— Может быть, — ответил Макс. — Но монстры выживают. А люди — нет.

Он поднял кинжал. Тот пульсировал — довольно, сыто, почти пьяно. Он был готов к последнему удару.

Часть 6. Кормёжка оптом

Макс не стал добивать Шороха кинжалом.

Он достал из слотов все активные вещи — разложил на земле перед собой. Кинжал, старый меч, «Слеза Ворона». «Заводная кукла» не вылезала из слота — она кормилась через иглы, которые выпускала из пластин-позвонков. Хищные латы лежали отдельно — они были наказаны, но Макс решил, что сегодня они тоже получают свою долю.

— Ешьте, — сказал он, обращаясь к вещам. — Все. Сразу. Не спорьте. Не деритесь. Ешьте.

Кинжал вонзился в шею Шороха — последний удар, смертельный. Кровь хлынула фонтаном, заливая землю, одежду, лица беженцев. Дети закричали. Женщины зарыдали. Денис отвернулся. Тень закрыл глаза.

Мира смотрела.

Старый меч засветился — тусклым, болезненным светом, впитывая кровь через лезвие, через трещины, через саму свою суть. «Слеза Ворона» не касалась тела — она резала воздух, впитывая не кровь, а что-то другое. Что-то, чего

Макс не видел, но чувствовал. Боль. Страх. Смерть.

«Заводная кукла» выпустила иглы — они впились в тело Шороха, втягивая сытость. Процесс занял несколько секунд. Тело начало высыхать, сморщиваться, превращаться в мушью. Кожа облезала, мышцы сжимались, кости становились хрупкими, как сухие ветки.

Хищные латы — те, что были наказаны, те, что должны были молчать ещё несколько дней, — они не выдержали. Они вырвались из слота без приказа, вцепились в тело, впитали последние капли. Их красные прожилки вспыхнули ярко, потом потускнели. Они насытились.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда тело Шороха превратилось в труху:

Автофаг (Ускоренный) активирован.

Поглощён: игрок (один слот, ценность: низкая).

Сытость инвентаря: 17% → 24% (+7% за несколько секунд).

Риск психотической перегрузки: 48% → 52% (вещи нарушили очередь).

Статус голосов: активны (режим «Звериный такт» — 30% эффективности).

Предупреждение: кинжал, старый меч и хищные латы самовольно атаковали без приказа. Требуется разбирательство.

Макс закрыл интерфейс. Он стоял над останками Шороха, тяжело дыша, и чувствовал, как внутри него, в слотах, голоса затихают. Сначала кинжал — он был сыт, его пульсация стала ровной, спокойной. Потом старый меч — он затих, переваривая еду. Потом «Кукла» — она убрала иглы, хвосты опустились, пластины сжались.

Хищные латы не затихали — они были недовольны. Они получили падаль, а хотели живую боль. Они обиделись. Но они молчали.

Макс вытер лицо рукавом. Кровь была на его щеках, на лбу, на губах. Она была тёплой, сладковатой, с привкусом железа. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

— Запомните, — сказал он, поворачиваясь к беженцам. — Это — цена. Не моя. Ваша. Я плачу за вас своей душой. Чтобы вы могли жить.

Часть 7. Разбегание стаи

Тишина длилась минуту. Потом — крик.

Женщина, мать двоих детей, упала на колени, закрыла лицо руками и зарыдала. Не тихо, не по-взрослому — громко, отчаянно, как плачут люди, когда теряют всё. Её дети — мальчик лет пяти и девочка лет трёх — стояли рядом, смотрели на неё, и их глаза были пустыми, выцветшими.

— Ты... ты убил его, — прошептала женщина, и её голос дрожал. — Ты убил человека. Прямо при нас. При детях.

— Я накормил свои вещи, — ответил Макс. — Если бы я не накормил их, они бы убили меня. А потом — вас. Выбирай.

— Ты мог отпустить его!

— Куда? В лес? К Костоломам? Он умер бы через день. Или стал бы монстром. Или привёл бы врагов к нашему порогу. Я не мог рисковать.

Женщина смотрела на него долго, тяжело. Потом поднялась, взяла детей за руки и пошла к выходу из оврага.

— Куда ты? — спросил Денис, сжимая нож.

— Подальше от него, — ответила женщина, не оборачиваясь. — Он — не спаситель. Он — чума.

За ней пошли ещё двое. Мужчина — отец двоих детей, тот самый, который вчера предлагал Максиму разделить обязанности по охране лагеря. И старуха — бабка, которая почти не говорила, но всегда сидела у костра и смотрела на огонь пустыми, выцветшими глазами.

— Останови их, — сказала Мира, глядя на Макса. — Они умрут без нас.

— Они умрут с нами, — ответил Макс. — Разница только во времени. Если они хотят уйти — пусть идут. Я не держу.

Четверо ушли. Забрали флягу, кусок мяса, одеяло. Макс смотрел им вслед, и внутри него, в том месте, где раньше билась тревога, пульсировала пустота.

«Они умрут, — подумал он. — Через день. Через два. Но не сегодня. Сегодня они живы. Это — всё, что я могу им дать».

Остались пятеро. Мира, Денис, Тень, мать с дочерью (Лиса — та самая рыжая девочка, которую он нёс на плечах после атаки гнилого пса). И он — Макс.

— Ты стал другим, — сказала Мира, садясь рядом. — Раньше ты боялся убивать. Теперь ты кормишь вещи людьми. Это... это переход. Через черту.

— Через черту переходят один раз, — ответил Макс. — Потом уже не оглядываются.

Он смотрел на останки Шороха. Тело превратилось в труху, в пыль, в ничто. Только слот — один, серый, пустой — пульсировал в правом углу мёртвого глаза. Система ещё не забрала его. Или не хотела забирать. Или ждала, когда кто-то другой поднимет.

Макс подошёл к останкам, опустился на корточки, закрыл мёртвые глаза.

— Ты не хотел умирать, — сказал он. — Но ты умер. Не из-за меня. Из-за мира. Из-за системы. Из-за голода. Я просто... инструмент. Как кинжал. Как «Кукла». Как все мы.

Он поднялся, отошёл.

Часть 8. Новый порядок

Ночью Макс не спал. Сидел у костра, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на огонь. Пламя было жёлтым, живым, пахло дымом и смолой. Оно не пульсировало, как деревья, и не шептало, как камни. Оно просто горело. И это было хорошо.

Мира спала рядом, прислонившись к его плечу. Денис охранял вход. Тень лежал в углу, укрытый рваной курткой. Лиса спала между матерью и Максом, и её рыжие волосы разметались по земле, как языки пламени.

Макс смотрел на огонь и думал.

Он думал о Шорохе. О его имени, которое съел слот. О его глазах, полных слёз. О его мольбе: «Пожалуйста, я не хочу умирать». Он думал о том, что мог бы отпустить его. Что мог бы сказать: «Иди. Живи». Но он не сказал. Он убил. И накормил вещи.

«Я стал тем, кого боялся, — подумал он. — Монстром. Убийцей. Палачом. Но разница между мной и Костоломами в том, что я убиваю, чтобы защищать. А они убивают, чтобы жрать».

Холод в правом боку пульсировал — ровно, спокойно. Кинжал был сыт. Он не требовал крови. Он не вибрировал. Он просто лежал в слоте, переваривая еду. Это было хорошо. Это было правильно.

Макс достал кинжал из слота, положил на колени. Тот был тёплым — не горячим, не холодным, а именно тёплым, как живое тело. Лезвие пульсировало в такт его сердцу — ровно, спокойно, без требований.

— Ты доволен? — спросил Макс мысленно.

«Да, хозяин, — ответил кинжал, и его голос был тихим, почти ласковым. — Ты хорошо накормил меня. Живой кровью. Настоящей. Не падалью. Спасибо».

— Я не хочу благодарности, — ответил Макс. — Я хочу, чтобы ты защищал их. Детей. Миру. Дениса. Тень. Лису. Если кто-то нападёт на них — ты должен убить. Быстро. Без жалости.

«Я убью, — сказал кинжал. — Это моя природа. Но ты должен помнить: каждая капля крови — это сделка. Ты даёшь мне кровь — я даю тебе защиту. Ты даёшь мне мало — я даю тебе мало. Ты даёшь мне много — я даю тебе силу.

Сегодня ты дал мне достаточно. Я не забуду».

Макс убрал кинжал в слот. Тот не сопротивлялся — он был слишком сыт, чтобы спорить.

Он посмотрел на свои активные слоты. Четыре. Кинжал, старый меч, «Слеза Ворона», «Заводная кукла». Хищные лапы — в пятом, заблокированные. Старая броня — в первом, пылится.

Сытость 24%. Автофаг спит ещё 20 часов. Урон здоровья 72%. Риск психотической перегрузки 52%. Цифры были терпимыми. Он мог дышать. Он мог думать. Он мог планировать.

Он сформулировал новое правило — мысленно, чётко, как закон:

«Правило №1 (Арка 3): Живой корм — лучший корм. Запас пленников должен быть всегда. Не меньше двух. Один — для кормёжки. Второй — на случай голодных дней».

Системное сообщение не всплыло — система не фиксировала его мысленные правила. Но Макс знал: это правило работает. Оно жестокое. Оно грязное. Оно мерзкое. Но оно работает.

Он закрыл глаза. Голоса в голове были тихими — не требовали, не кричали, не спорили. Они ждали. Всегда ждали.

Часть 9. Утро новой стаи

Макс проснулся от холода.

Не от того, который пробирает до костей на сыром ветру. Не от того, который сковывает пальцы после долгой неподвижности. Другой холод. Глубокий, внутренний, как будто кто-то опустил ледяную иглу в правый бок — туда, где в сетке 10 на 10 пульсировал слот с кинжалом.

Он открыл глаза. Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Костер прогорел почти полностью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры.

Холод в правом боку пульсировал — быстро, неровно, как сердце кролика, который чует хищника. Кинжал чувствовал угрозу. Кто-то был рядом. Кто-то, кто хотел убить.

Макс сел, выхватил кинжал. Тот был горячим — почти обжигающим. «Заводная кукла» зашевелилась — хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке.

— Кто там? — спросил он, обращаясь не к Мире — к кинжалу.

Холод стал сильнее. Кинжал указывал направление. На юг. В лес. В серую пульсирующую тьму.

Мира проснулась, схватила нож. Её три слота пульсировали тревожно, почти красным.

— Костоломы? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Макс. — Но они близко. Кинжал чувствует.

Он подошёл к выходу, прильнул к щели между камнями. Лес был пуст. Серый, пульсирующий, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но вдалеке, на краю поляны, он увидел силуэт. Один. Он стоял и смотрел на овраг. Не приближался. Не уходил. Просто смотрел.

— Один, — сказал Макс. — Не Костолом. Другой. С одним слотом. Он... он ждёт.

— Чего?

— Не знаю. Но я узнаю.

Макс вышел из оврага, сжимая в руке кинжал. Лес встре-

тил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Он пошёл к силуэту.

Человек не убежал. Он стоял на месте, прислонившись спиной к старой сосне, и его единственный слот пульсировал тревожно, почти красным. Он был оборван, грязен, бос. В руке он держал палку — не оружие, опору.

— Ты из беженцев? — спросил Макс, подходя ближе.

— Нет, — ответил человек, и голос его был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — Я из Костоломов. Был. Меня выгнали. Сказали, что я слишком слаб. Что я не могу убивать. Что мой слот — позор.

— Зачем ты пришёл?

— Я хочу... я хочу попроситься к тебе. В твой отряд. Я слышал, ты — аномалия. Что у тебя сто слотов. Что ты не убиваешь беззащитных. Что ты защищаешь детей. Возьми меня. Я буду работать. Я буду драться. Я буду... я буду есть мало. Только не дай мне умереть одному.

Макс смотрел на него долго, тяжело. В голове крутились цифры. Сытость 24%. Автофаг спит 20 часов. Четверо беженцев ушли вчера. Остались пятеро. Он мог взять ещё од-

ного. Или не мог. Или не хотел.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Я не помню, — человек покачал головой. — Слот съел моё имя. Первым делом. Зови меня... зови меня Рвань. Потому что я — как рваная ткань. Меня можно зашить, но дыра останется.

— Рвань, — повторил Макс. — Хорошее имя. Ненадолго. Пока ты не умрёшь.

— Я не умру, — сказал Рвань, и в его глазах появилась надежда. — Ты не дашь мне умереть. Ты — Архитектор. Ты строишь порядок из хаоса. Я буду твоим камнем. Твоим кирпичом. Твоей стеной.

Макс протянул руку. Рвань взял её — дрожащими, холодными пальцами. Встал. Его слот — единственный, серый, пустой — пульсировал чуть спокойнее. Он поверил. Или просто устал не верить.

— Идём, — сказал Макс. — У нас есть еда. Вода. Место у костра. И работа. Много работы.

Они вошли в овраг. Дети проснулись, зашептались. Жен-

щины прижали их к себе, но не отворачивались. Денис смотрел на Рвань с подозрением, но промолчал. Мира уступила место у костра.

Макс сел у стены, прислонился спиной к холодному камню, закрыл глаза. Голоса в голове — четыре активных — зашептали с новой силой. Он не слушал. Он считал.

Четыре активных слота. Девяносто пять заблокированных. Одна чёрная, мёртвая. Пять беженцев. Один новичок — Рвань. И одна надежда — «Слеза Ворона», которая может резать слоты. Или связи. Или души.

«Завтра, — сказал он, не открывая глаз. — Завтра мы пойдём на охоту. Не на зверей — на редкое оружие. Я должен собрать коллекцию. Чтобы погасить кредит. Чтобы выжить».

— А если не соберёшь? — спросил Денис.

— Тогда умру, — Макс пожал плечами. — Или стану деревом. Или камнем. Или пустотой. Неважно.

Он открыл глаза, посмотрел на Рвань. Тот сидел у костра, грел руки, и его слот — единственный, серый, пустой — пульсировал ровно, спокойно. Впервые за долгое время.

— Ты — мой свидетель, — сказал Макс. — Ты видел, как я убивал. Ты видел, как я отказывался убивать. Ты расскажешь другим, если я умру. Что я был не монстром. Что я пытался.

— Ты не умрёшь, — сказала Мира. — Ты — Архитектор. Архитекторы не умирают — они достраивают свои здания до конца. Даже если здание — тюрьма.

Макс усмехнулся — криво, грустно, без злобы.

— Тогда я построю самую красивую тюрьму, — сказал он.
— Чтобы даже стены шептали надежду.

Он закрыл глаза. Сны не пришли — только голоса. Четыре голоса. И сотни — за стеной, в лесу, в склепе, в слотах мёртвых коллекционеров. Они ждали. Они всегда ждали.

Макс спал. И в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, четыре активных, девяносто пять заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И коллекция, которая только начиналась.

— —

Итог главы

- Потери: Отряд беженцев сократился до 6 человек (Макс, Мира, Денис, Тень, Лиса с матерью) + новичок Рвань.
- Приобретения: Сытость повышена с 17% до 24%, вещи накормлены, психотическая перегрузка временно стабилизирована.
- Новое знание: Кинжал теперь сообщает об опасности через холод и пульсацию — «звериный такт» укрепляется.
- Моральный статус: Макс пересёк черту — использовал живого человека как корм для вещей. Отныне он для беженцев не спаситель, а вожак стаи.
- Новое правило: Запас «живого корма» должен быть всегда.
- Новые угрозы: В лесу появился силуэт с одним слотом, который наблюдал за лагерем.

— —

Плашка в конце главы:

«Архитектор строит не из камня — из сделок. Первая сделка с живым кормом — самая тяжёлая. Потом привыкаешь. Потом перестаёшь вздрагивать, когда кровь заливает руки. Потом начинаешь планировать, кого поймать завтра. Макс пересёк черту. Теперь он для беженцев не спаситель —

он вожак стаи. А стая не спрашивает, почему вожак убивает.
Стая смотрит и учится».

Глава 3. Оружие без имени

Часть 1. Утро, которое не принесло облегчения

1.

Макс проснулся от того, что его собственная правая рука перестала быть его.

Она лежала вдоль тела — тяжёлая, чужая, как будто пришитая к плечу второпях, кривыми стежками, которые вот-вот разойдутся. Он не чувствовал пальцев. Не чувствовал пульсации крови в запястье. Не чувствовал даже холода — того самого, глубокого, внутреннего, который последние дни стал его вторым дыханием, его предупреждением, его совестью, заменившей голоса.

Ничего.

Только пустота. Тягучая, вязкая, как старая смола на стволе сосны.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к шершавой стене оврага. Поза была знакомой до боли — он спал так последние несколько дней, с тех пор как

голоса вещей начали затихать, уступая место чему-то другому. Чему-то, что не говорило, но чувствовало. Над ним нависал серый свод — сплетение корней и камней, пульсирующих в такт чему-то огромному и голодному. Рядом догорал костёр. Угли шипели, выбрасывая последние искры в сырой воздух, пахнувший железом, прелой листвой и сладковато-приторным запахом вчерашней крови. Запах вьелся в одежду, в волосы, в кожу. Макс больше не замечал его. Он стал частью воздуха, как и всё остальное в этом мире.

Он не открывал глаза. Он слушал.

Сначала — ничего. Только редкие капли воды, падающие с веток на землю. Только чьё-то прерывистое дыхание. Денис, тот самый, с одним слотом и пустыми глазами, дышал тяжело, с присвистом — спал, но не отдыхал. Только шелест чьих-то тряпок. Женщина — мать Лисы — ворочалась во сне, что-то шептала — молитвы? Имя? Он не разбирал. Только пульсация слотов. Его собственных — сто ячеек, пульсирующих в разном ритме. Миры — три, ровно, как метроном. Дениса — один, тревожно, почти красным. Тени — один, слабо, едва заметно. Рвани — один, новый, пульсирующий неровно, как у человека, который не знает, проснётся ли завтра.

А потом — снова пустота. Ни холода, ни тепла, ни pulsa-

ции. Кинжал молчал. «Кукла» спала. Старый меч... старый меч был здесь, в слоте, но его присутствие было каким-то... больным.

Макс открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Овраг, в котором они укрылись, был неглубоким — метра три в глубину, метров десять в длину. Стены из глины и камня, кое-где подпёртые прогнившими досками. Дно утрамбованное, усеянное мелким мусором, костями и пятнами засохшей крови. Кости были не только звериными — человеческие фаланги, обломки рёбер, черепная коробка, расколотая надвое. Кто-то умер здесь. Кто-то, у кого не было слотов. Или были, но они погасли вместе с ним.

Макс сел, опираясь на здоровую руку. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, выпуская воздух, потом сжались снова, плотнее прилегая к телу. Хвосты, торчащие из-за спины, слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки. Она сканировала пространство, даже когда он спал. Макс чувствовал её работу как лёгкое жжение в позвоночнике — сенсоры проверяли радиус в пятьдесят метров, выискивая красные пятна. Сегодня утром красных пятен не было. Только серые, только мёртвые, только свои.

Он повернулся, посмотрел на свои слоты.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 23%

Автофаг: приостановлен на 18 часов

Урон здоровья: 72%

Риск психотической перегрузки: 52%

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 55% эффективности)

Двадцать три процента сытости. Это было мало. Это было почти на грани. Но это было больше, чем вчера утром. И это было заслугой Шороха — того парня с одним слотом, которого он скормил вещам. Тело уже превратилось в труху, в пыль, в ничто. Только слот — один, серый, пустой — пульсировал в правом углу мёртвого глаза, который никто не закрыл. Макс не закрыл. Он не хоронил. Он не молился. Он просто смотрел, как останки впитываются в землю, смешиваются с золой и грязью.

Вокруг, на земле, укрытые рваными тряпками и старой одеждой, спали те, кто остался.

Пятеро.

Мира — у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному камню. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живница, которую она выпила вчера, сделала своё дело. Рана затягивалась, но розовый рубец ещё болел — Мира морщилась, когда шевелила рукой даже во сне. Она не показывала боли. Она никогда не показывала.

Денис сидел у входа в овраг — узкого проёма, заваленного сухими ветками, — сжимая в руке нож. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он забыл имя дочери. Сегодня он, наверное, забудет её лицо. А завтра — забудет, зачем он здесь. Макс знал это. Он видел, как умирает память — не сразу, по кускам. Сначала имя, потом лицо, потом голос, потом чувство. Остётся только пустота. И слот, который требует, чтобы её заполнили.

Тень — бывший Костолом, которого Макс взял в отряд после того, как тот встал между ним и скелетом, — лежал в углу, укрытый рваной курткой. Его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно. Он был жив. Но насколько — никто не знал. Рана на животе затянулась, но внутри ещё что-то кровоточило — система не показывала, что именно. Тень не жаловался. Он просто лежал и смотрел в потолок, и его глаза были пустыми, как небо в этом мире.

Лиса — рыжая девочка, которую Макс нёс на плечах после атаки гнилого пса, — спала между матерью и костром. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но она улыбалась во сне. Впервые за много дней. Она спасла его у обрыва. Он не забыл. Он никогда не забудет.

Рвань — новичок, бывший Костолом, которого Макс взял в отряд вчера, — сидел у стены, прислонившись спиной к холодному камню. Его единственный слот пульсировал ровно, спокойно — впервые за долгое время. Он не спал. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — настороженное уважение. Он видел, как Макс убил Шороха. Он знал, на что способен этот человек. И он выбрал остаться.

Мира не спала. Она смотрела на Макса.

— Ты ворочался, — сказала она тихо, чтобы не разбудить детей. — Всю ночь. Бормотал что-то про ржавчину. Про то, что железо умирает. С кем ты спорил во сне?

— С мечом, — ответил Макс, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал. — С тем, кто не говорит. Он не требует. Он просто... гниёт.

Он достал из слота старый меч.

3.

Оружие выглядело... больным.

Макс помнил этот клинок другим. Он нёс его с первых дней, с того самого момента, как очнулся в этом лесу. Меч не был артефактом. Не пел, не шептал, не требовал сделок. Он был просто куском металла — ржавым, зазубренным, невзрачным, но острым. Достаточно острым, чтобы резать гнилых псов, чтобы блокировать удары Костоломов, чтобы кромсать ветки для костра. Он был инструментом. Надёжным. Предсказуемым. Почти живым.

Сейчас он выглядел так, будто пролежал в земле год.

Лезвие потускнело — не серое, а именно больное, с зеленоватым налётом у основания, который не смывался водой, не стирался тряпкой. Гарда покрылась тонкой сеткой трещин, которых раньше не было. Рукоять, обмотанная старой кожей, стала скользкой — не от пота, от чего-то другого. От разложения. От смерти, которая наступает, когда железо перестают использовать.

Макс провёл пальцем по лезвию — и отдёрнул руку.

Палец был чистым. Ни крови, ни ржавчины, ни грязи. Но ощущение было... неправильным. Как будто он коснулся не металла, а больной плоти. Как будто меч был жив и знал, что умирает.

— Что с ним? — спросила Мира, садясь рядом. Она смотрела на меч, и в её глазах было что-то новое. Не страх — понимание. Она видела такое раньше. У других. У тех, кто переставал убивать.

— Он голоден, — ответил Макс. — Не как кинжал. Кинжал хочет крови. А этот... этот хочет, чтобы его использовали. Чтобы им рубили. Чтобы им убивали. Если я не даю ему этого, он... тупится. Ржавеет. Умирает.

— Вещи не умирают, — сказала Мира, но в её голосе не

было уверенности. — Они просто... перестают быть полезными.

— Ты видела это? — спросил Макс, показывая на лезвие. — Ты видела, как металл гниёт? Я не кормил его два дня. Два дня я не брал его в руки. Я убивал кинжалом, потому что кинжал быстрее. А этот... этот лежал в слоте и ждал. И он начал умирать.

Мира молчала. Потом сказала:

— Ты должен проверить. Может быть, это не голод. Может быть, это место. Овраг. Сырость. Гниль в воздухе.

— Нет, — ответил Макс. — Это не место. Это я. Мои слоты. Моя сытость. Когда я не использую оружие, система забирает его энергию. Или не забирает — просто перестаёт поддерживать. Как будто говорит: «Если ты не охотишься, зачем тебе острый клинок?»

Он поднялся, потянулся, хрустнув позвонками. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, впуская воздух, потом сжались снова. Хвосты слабо вибрировали — она была напряжена, но не предупреждала об опасности. Она просто ждала.

— Я пойду в лес, — сказал Макс. — Проверю меч. Найду кого-нибудь. Пса. Монстра. Костолома. Неважно. Мне нужно узнать, можно ли его вернуть.

— Я пойду с тобой, — сказала Мира, вставая.

— Нет, — ответил Макс. — Ты нужна здесь. Детям. Лагерю. Если я не вернусь...

— Ты вернёшься, — перебила Мира. — Ты всегда возвращаешься.

Он не ответил. Он взял старый меч в левую руку, кинжал — в правую, и вышел из оврага.

Часть 2. Лес, который не помог

4.

Лес встретил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Воздух был плотным, тяжёлым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

Макс шёл медленно, переставляя ноги с трудом. Старый меч в левой руке висел, как мёртвый груз. Он не блестел, не пульсировал, не давал о себе знать. Только тяжесть. Только безразличие.

Кинжал в правой руке был холодным — не ледяным, а именно холодным, как утренний воздух. Он не требовал крови — он просто был. Но Макс знал: если появится угроза, кинжал заговорит. Холодом. Пульсацией. Ритмом.

Он прошёл полкилометра, углубляясь в архитектурный лес. Деревья становились всё более неправильными — наклонялись, переплетались ветвями, образуя живые своды,

под которыми царил полумрак. Корни выступали из земли, как пальцы мертвецов. Воздух стал таким тяжёлым, что каждое дыхание давалось с трудом.

Холод в правом боку был ровным, спокойным. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать. Макс не знал. Он только знал, что ему нужно найти добычу. Любую. Живую.

Он нашёл пса через двадцать минут.

Гнилой, с облезлой шерстью и жёлтыми глазами, горящими голодом. Пёс не нападал — он убегал. Он чувствовал опасность. Он знал, что этот человек в чёрной броне — не добыча. Он — хищник. Но сегодня Макс был не охотником — он был испытателем. Ему не нужна была охота. Ему нужна была проверка.

Он не стал стрелять из арбалета. Не стал доставать кинжал. Он взял в обе руки старый меч, подошёл к псу и замахнулся.

5.

Удар был тяжёлым, неуклюжим. Меч не резал — он крошил.

Лезвие ударило пса по голове, но не рассекло череп — оставило глубокую вмятину, зазубрину, но не больше. Пёс взвизгнул, отскочил, зарычал. Его жёлтые глаза стали красными — от боли, от страха, от голода.

Макс ударил снова — на этот раз в шею. Меч вошёл в плоть, но не глубоко. Застрял. Макс дёрнул — лезвие вышло, оставив кровавую борозду, но пёс не упал. Он захрипел, попытался убежать, но ноги не слушались. Он упал на бок, забился в агонии, замер.

Макс стоял над ним, тяжело дыша, и смотрел на меч.

Лезвие было покрыто кровью — тёмной, густой, пахнущей железом. Но кровь не впитывалась. Она не исчезала. Она просто застывала на металле, как на любом обычном куске железа. Меч не пил. Он не требовал. Он просто... был.

Макс вытер лезвие о траву. Под кровью — ни блеска, ни чистоты. Только тусклый, больной металл. И зелёный налёт у гарды, который стал ещё заметнее.

Системное сообщение не всплыло. Сытость не изменилась. Кинжал не отреагировал.

Макс выругался сквозь зубы. Слова были злыми, грязными, но он не сдерживался — не перед кем. Только лес, труп пса и старый меч, который не хотел работать.

— Что с тобой? — спросил он у меча вслух. — Ты не режешь. Ты не пьёшь. Ты просто... гниёшь. Почему?

Меч не ответил. Он не мог. Он никогда не умел говорить.

6.

Макс сел на землю, прислонился спиной к стволу старой сосны, положил меч на колени. Кинжал в правой руке был по-прежнему холодным — он не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать. Лес был пуст. Только труп пса, который медленно остывал в трёх метрах.

Он закрыл глаза. В голове было пусто — не спокойно, именно пусто, как будто кто-то выключил радио, которое орало на полную мощность несколько дней подряд. Голоса вещей молчали. Кинжал — холодный. «Кукла» — спокойная. «Слеза» — безмолвная. Только старый меч — его молчание было другим. Оно было тяжёлым, как камень. Оно было больным, как гниющая плоть. Оно было похоже на смерть.

Он вспомнил, как раньше кинжал требовал крови. Громко, настойчиво, как метроном. «Кровь. Кровь. Кровь». Голос был чужим, но он звучал в его голове, как собственный. Макс не мог заткнуть его. Мог только подчиниться или страдать. Теперь кинжал молчал. Но его молчание было не пустотой — оно было наполненным. Холодом. Пульсацией. Ощущением.

А старый меч... у него никогда не было голоса. Ни требований, ни сделок, ни намёков. Он был просто железом. Но Макс привык к его надёжности. К его предсказуемости. К его молчанию, которое не было болезненным. А теперь это молчание стало умирать.

Он открыл глаза. Посмотрел на меч.

Лезвие потускнело ещё больше. Зелёный налёт у гарды расплзся выше, к середине клинка. Трещины на гарде стали глубже. Рукоять — скользкой, как будто покрытой слизью.

— Ты не просто тупишься, — сказал Макс. — Ты гниёшь. Как мертвец. Как броня, которую не носят. Как слот, который не кормят. Ты — часть меня. И если я тебя забываю, система тебя переваривает.

Он поднялся, отряхнул штаны. Кинжал в правой руке был холодным — ровным, спокойным. Он не давал советов. Он

не предупреждал. Он просто ждал.

Макс подошёл к трупу пса, нагнулся, отрубил голову. Мечом. С третьего раза. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахущая железом и чем-то сладким. Меч не впитывал — он просто пачкался.

Он бросил голову в кусты, вытер лезвие о траву. Зелёный налёт не исчез.

— Сегодня, — сказал он, обращаясь к мечу. — Сегодня я проверю, можно ли тебя вернуть. Если нет — я найду другой. Тупее, голоднее, злее. Но он будет слушаться.

Он повернулся и пошёл обратно в лагерь. Труп пса остался лежать в лесу — не для сытости, не для вещей. Просто мусор. Просто ошибка.

Часть 3. Испытание железом

7.

В лагере его встретили молчанием. Мира смотрела на меч, на его больное лезвие, на зелёный налёт, и её глаза сузились. Она не спрашивала — она знала. Денис молча точил нож о камень. Тень лежал в углу, смотрел в потолок. Лиса спала. Рвань сидел у костра, грел руки, и его слот пульсировал ровно, спокойно.

— Не сработало? — спросила Мира, когда Макс сел у костра.

— Он не режет, — ответил Макс, кладя меч на землю. — Пёс умер от тупых ударов, не от лезвия. Меч не пил кровь. Не впитывал. Просто пачкался. Как обычное железо.

— Он и есть обычное железо, — сказала Мира. — Ты забыл? Это не артефакт. Не «Кукла». Не «Слеза». Обычный меч, который ты подобрал у первого убитого тобой Костолома. Он никогда не говорил. Никогда не требовал. Он просто был.

— Тогда почему он гниёт? — спросил Макс, и в его голосе

появилась сталь, которой он не чувствовал с утра. — Почему система его убивает? Почему он не работает?

— Потому что система убивает всё, что не используется, — ответила Мира. — Ты не брал его в руки два дня. Ты убивал кинжалом. Ты кормил кинжал. «Кукла» сканировала лес. «Слеза» резала связи. А этот... этот лежал в слоте и ждал. Система решила, что он тебе не нужен. И начала его перерабатывать.

— Перерабатывать? — переспросил Макс. — В сытость?

— Нет, — Мира покачала головой. — В ничто. Система не забирает бесполезные вещи — она их уничтожает. Медленно. По частям. Сначала — острота. Потом — прочность. Потом — форма. Потом — само существование. Если ты не остановишь процесс, через неделю от меча останется только ржавая полоска металла. Ещё через неделю — пыль. Ещё через неделю — пустота.

Макс смотрел на меч. Зелёный налёт пульсировал — слабо, едва заметно, как сердце умирающего. Он не знал, пульсировал ли он на самом деле или ему просто казалось. В этом мире всё пульсировало. Деревья, камни, слоты, даже воздух. Пульсация была признаком жизни. Или смерти.

— Как его остановить? — спросил он.

— Используй, — ответила Мира. — Каждый день. Каждый час. Режь им. Руби. Убивай. Не для сытости — для того, чтобы система видела: он нужен. Он полезен. Он — не мусор.

Макс поднял меч, посмотрел на его большое лезвие. Провёл пальцем по зелёному налёту — палец стал влажным, липким, как от гнилой слизи. Меч не просто тупился — он разлагался. Как мёртвое тело. Как старый слот. Как надежда, которую не кормят.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня я буду резать им. Не кинжалом. Не «Куклой». Им. Пока не увижу, можно ли его вернуть.

— А если нельзя? — спросил Рвань из своего угла. Его голос был слабым, прерывистым, но в нём звучало любопытство. Он хотел понять. Он хотел научиться.

— Тогда я выброшу его, — ответил Макс. — Найду другой. Тупее, голоднее, злее. Но он будет слушаться.

Он вышел из оврага. Лес встретил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Он пошёл искать добычу.

Второй пёс был молодым, почти здоровым. Он не убегал — он бросился на Макса, когда тот подошёл на двадцать метров. Жёлтые глаза, горящие голодом. Клыки, покрытые чёрным налётом. Шерсть — грязная, свалявшаяся, но без гнили. Он был опасен. Он был быстр.

Макс не стал уклоняться. Он встал в стойку, взял меч в обе руки и встретил пса лобовой атакой.

Удар пришёлся в череп. Меч не рассек — он треснул.

Кость пса раскололась, лезвие застряло в черепе на полпути. Пёс забился в агонии, его лапы царапали землю, когти скрежетали по камням. Кровь хлынула из раны — чёрная, густая, пахнувшая железом. Но меч не впитывал. Он просто торчал в черепе, как ржавый гвоздь в старой доске.

Макс нажал сильнее — лезвие пробило череп насквозь. Пёс дёрнулся и замер.

Макс вытащил меч. Лезвие было покрыто кровью, мозгом, осколками костей. Зелёный налёт не исчез — он стал ещё заметнее на фоне чёрной крови. Меч не блестел. Он не све-

тился. Он не пульсировал.

Системное сообщение всплыло перед глазами, когда Макс вытер лезвие о траву:

«Старый меч (обычный) — состояние: критическое (острота 15%, прочность 40%, разложение 65%). Для восстановления требуется многократное использование в бою».

Макс прочитал сообщение три раза. Потом закрыл интерфейс.

— Многократное использование, — повторил он вслух. — Сколько? Двадцать ударов? Сто? Тысяча? Ты не говоришь. Ты только показываешь цифры. А цифры — это ложь.

Он пошёл дальше.

9.

Третий пёс был старым, больным, почти без сил. Он лежал у корней дерева, его бока вздымались тяжело, хрипло. Жёлтые глаза, тускнеющие, но всё ещё живые. Он не рычал. Он ждал.

Макс подошёл, занёс меч. Рука не дрожала. Пульс был

ровным.

Он ударил в шею — туда, где бьётся артерия. Меч вошёл в плоть легче, чем в прошлый раз. Не глубоко, но глубже. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом. Пёс не закричал — только выдохнул, и его жёлтые глаза потускнели, погасли.

Макс вытащил меч. Лезвие было покрыто кровью. Зелёный налёт стал чуть меньше — или ему показалось. Он не знал. Он вытер лезвие о траву, поднёс к глазам. Металл был чистым — настолько, насколько это возможно для старого, зазубренного клинка. Но блеска не было. Остроты не было.

Системное сообщение:

«Старый меч (обычный) — состояние: критическое (острота 18%, прочность 41%, разложение 62%)».

— Два процента остроты, — прочитал Макс вслух. — За одного пса. Один процент. Если мне нужно вернуть его к жизни, я должен убить... пятьдесят. Пятьдесят псов. Или тридцать Костоломов. Или десять монстров. Это — не сделка. Это — приговор.

Он убрал меч в слот, достал кинжал. Тот был холодным

— ровным, спокойным. Он не требовал крови. Он знал, что сегодня не его день.

— Ты — не главный, — сказал Макс, обращаясь к мечу.
— Но ты нужен. Как резерв. Как память. Как напоминание о том, что даже обычное железо может умереть, если его забыть.

Он повернулся и пошёл обратно в лагерь.

Часть 4. Переговоры с немым

10.

В лагере он сел у костра, положил меч на колени. Мира села рядом. Денис точил нож. Тень спал. Лиса рисовала на земле углём — какие-то круги, линии, фигуры. Рвань сидел у стены, смотрел на меч, и его слот пульсировал ровно, спокойно.

— Ты не накормил его, — сказала Мира. — Ты просто использовал. А он хотел не убийства — постоянства. Он хотел, чтобы ты знал: он — часть тебя. Не инструмент. Не расходник. Часть.

— Он — железо, — ответил Макс. — Железо не может быть частью человека.

— Может, — сказала Мира. — Когда ты носишь его в слоте. Когда система связывает его с твоей сытостью, с твоей волей, с твоей памятью. Он — не просто кусок металла. Он — продолжение твоей руки. И если рука перестаёт работать, мозг отключает её. Со временем — атрофия. Смерть. То же самое — с мечом.

Макс смотрел на клинок. Зелёный налёт пульсировал — слабо, едва заметно, как сердце умирающего. Он знал, что должен что-то сделать. Что-то, кроме убийств. Что-то, что вернёт мечу смысл.

Он закрыл глаза. В голове было пусто — не спокойно, именно пусто, как комната, из которой вынесли всю мебель. Голоса вещей молчали. Кинжал был холодным. «Кукла» — спокойной. «Слеза» — безмолвной. Только старый меч — его молчание было другим. Оно было тяжёлым, как камень. Оно было больным, как гниющая плоть.

Макс мысленно «позвал» меч. Не как вещь — как часть себя.

«Ты слышишь меня?»

Ничего. Только пустота. Только холод металла, который он чувствовал даже через слот.

«Ты — не говорящий, — подумал он. — Ты — делающий. И я — тоже. Я не буду говорить с тобой. Я буду делать. Каждый день. Каждый час. Я буду резать тобой. Рубить. Убивать. Не для сытости — для того, чтобы ты помнил: ты нужен».

Меч не ответил. Но Макс показалось — только показав-

лось? — что зелёный налёт стал чуть меньше. На долю процента. Или ему просто хотелось в это верить.

11.

Он открыл глаза, поднялся, подошёл к стене оврага. Стены были из камня и глины, кое-где — старые доски, вросшие в землю. Он выбрал доску — прогнившую, но крепкую, — замахнулся мечом и ударил.

Лезвие вошло в дерево на палец. Не глубоко. Не остро. Но вошло.

Макс вытащил меч, ударил снова. Глубже. Ещё раз — ещё глубже. Доска треснула, раскололась, упала на землю.

Он поднял обломок, посмотрел на срез. Древесина была тёмной, влажной, пахла гнилью и сыростью. Но срез был ровным. Меч резал. Не идеально, но резал.

Системное сообщение не всплыло.

Макс ударил по другой доске. Потом — по третьей. Потом — по камню. Камень треснул, но меч не пострадал — царапина, не больше.

Он бил до тех пор, пока не вспотел. Пока мышцы не за-
ныли. Пока дыхание не стало хриплым, прерывистым. По-
том он опустился на землю, положил меч на колени и закрыл
глаза.

В голове было пусто. Но это была не пустота забвения
— это была пустота ожидания. Он ждал. Меч не отвечал.
Но Макс чувствовал — он больше не умирает. Он просто...
спит. Ждёт. Когда его снова возьмут в руки.

12.

Мира подошла к нему, села рядом. Её три слота пульси-
ровали ровно — она контролировала дыхание, как учил её
кто-то давно, в другой жизни.

— Ты бил по доскам, — сказала она. — Не по врагам. Не
по псам. По мёртвому дереву. Зачем?

— Чтобы проверить, — ответил Макс, не открывая глаз.
— Работает ли он вообще. Может ли резать. Не убивать —
просто... резать.

— И?

— Режет. Плохо. Тупо. Но режет. Значит, он не умер. Он

просто... уснул. Я должен его разбудить.

— Чем?

— Убийствами, — сказал Макс, открывая глаза. — Система не принимает дерево. Система не принимает камни. Система принимает только живую плоть. Псы. Костоломы. Монстры. Или я должен резать доски до тех пор, пока меч не рассыплется в пыль. Это — не выбор. Это — приговор.

Он поднялся, убрал меч в слот. Кинжал в правой руке был холодным — ровным, спокойным. Он не требовал крови. Он знал, что сегодня не его день.

— Завтра, — сказал Макс. — Завтра я пойду на охоту. Не для сытости — для меча. Я буду убивать до тех пор, пока он не проснётся. Или пока не умрёт.

— А если умрёт? — спросила Мира.

— Тогда я найду другой, — ответил Макс. — Тупее, голоднее, злее. Но он будет слушаться.

Он повернулся и пошёл к выходу из оврага. Лес встретил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Он шагнул в серую мглу, и его тень растворилась между

стволами.

Часть 5. Ночной разговор

13.

Он вернулся через два часа. Ни с чем. Лес был пуст — псы ушли, монстры затаились, Костоломы стояли на месте. Он обошёл радиус в километр — ни одного красного пятна, ни одной живой души. Только серая, пульсирующая пустота.

Макс сел у костра, прислонился спиной к холодной стене, достал меч из слота. Зелёный налёт стал больше. Или ему показалось. Он не знал. Он смотрел на клинок, и внутри него, в том месте, где раньше билась тревога, пульсировала пустота. Не жестокость — именно пустота. Как будто кто-то вырезал часть его души ножом и выбросил.

— Ты умираешь, — сказал он мечу. — Не потому, что я плохой хозяин. Не потому, что я тебя забыл. Потому что я не могу кормить всех. Кинжал требует крови. «Кукла» требует сытости. «Слеза» требует сделок. А ты... ты требуешь, чтобы я использовал тебя. Каждый день. Каждый час. Я не могу. Я один. А вас — сто.

Меч молчал. Он всегда молчал.

Мира села рядом, положила голову на его плечо. Её дыхание было ровным, спокойным. Она не спала — она просто закрыла глаза, чтобы отдохнуть.

— Ты говоришь с ним, — сказала она. — Как с живым. Почему?

— Потому что он — часть меня, — ответил Макс. — Как ты. Как дети. Как кинжал. Как «Кукла». Если я перестану говорить с ним, он умрёт. А если умрёт — я потеряю часть себя. Маленькую, незначительную, но часть. И эти потери накапливаются. Сначала меч. Потом кинжал. Потом «Кукла». Потом — дети. Потом — ты. Потом — я сам.

— Ты не потеряешь меня, — сказала Мира. — Я не вещь. Я не умру, если ты перестанешь мной пользоваться.

— Нет, — согласился Макс. — Ты умрёшь, если я перестану тебя защищать. А защищать я могу только тем, что есть у меня в руках. Кинжалом. Мечом. «Куклой». Если они умирают — я умираю. Если я умираю — умираешь ты.

Мира молчала. Она знала — он прав.

Макс сформулировал новое правило — мысленно, чётко, как закон.

«Правило №2 (Арка 3): Убил — обновил. Каждое оружие в моих активных слотах должно получать плату. Кинжал — кровь. Старый меч — удар по живому. „Кукла“ — сытость от трупов. Если я не плачу — они умирают. Или предают. Или становятся мусором. Я не могу позволить себе мусор в слотах. Место дороже».

Он открыл глаза. Сетка 10 на 10 пульсировала — ровно, спокойно, безразлично. Никаких новых сообщений. Система не фиксировала его мысленные правила. Но Макс знал: это правило работает. Оно жестокое. Оно грязное. Оно мерзкое. Но оно работает.

Он достал кинжал из слота, положил на колени рядом с мечом. Кинжал был тёплым — он чувствовал кровь. Меч — холодным, как мёртвый металл.

— Вы разные, — сказал он, обращаясь к обоим. — Один говорит — другой молчит. Один требует — другой ждёт. Но вы оба — мои. И я буду носить вас, пока вы не рассыпетесь в пыль. Или пока я не рассыплюсь.

Он убрал оружие в слоты, закрыл глаза. Сны не пришли

— только тишина. И голоса, которые стали тише, но не исчезли. Четыре голоса. И сотни — за стеной, в лесу, в склепе, в слотах мёртвых коллекционеров. Они ждали. Они всегда ждали.

Часть 6. Утро нового договора

15.

Макс проснулся от холода. Не от того, который пробирает до костей на сыром ветру. Не от того, который сковывает пальцы после долгой неподвижности. Другой холод. Глубокий, внутренний, как будто кто-то опустил ледяную иглу в правый бок — туда, где в сетке 10 на 10 пульсировал слот с кинжалом.

Он открыл глаза. Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Костер прогорел почти полностью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры.

Холод в правом боку пульсировал — быстро, неровно, как сердце кролика, который чует хищника. Кинжал чувствовал угрозу. Кто-то был рядом. Кто-то, кто хотел убить.

Макс сел, выхватил кинжал. Тот был горячим — почти обжигающим. «Заводная кукла» зашевелилась — хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке. Пластины-позвонки раскрылись, выпуская иглы. Сенсоры сканировали пространство — и находили красные пятна.

Одно. Большое. Пульсирующее.

— Костоломы? — спросила Мира, уже стоя на ногах, сжимая нож. Её три слота пульсировали тревожно, почти красным.

— Один, — ответил Макс, прислушиваясь к холоду. — Кинжал говорит — один. Не разведчик. Другой. С двадцатью слотами. Он... он идёт прямо сюда. Не прячется.

— Наёмник, — сказал Рвань из своего угла. Его голос был слабым, прерывистым, но в нём звучала уверенность. — Костоломы нанимают их, когда не хотят рисковать своими. У него двадцать слотов. Не меньше. Он — охотник за аномалиями.

Макс посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они были спокойными, уверенными, как у человека, который знает, что делать. Он достал старый меч из слота, положил на землю. Зелёный налёт пульсировал — слабо, едва заметно, как сердце умирающего. Меч был почти мёртв. Но он был нужен.

— Сегодня ты будешь есть, — сказал Макс мечу. — Живую плоть. Не псов — человека. Двадцать слотов — это много крови. Ты насытишься. Или умрёшь. Выбирай.

Меч не ответил. Но Максу показалось — только показалось? — что зелёный налёт стал чуть меньше. На долю процента. Или ему просто хотелось в это верить.

Он поднялся, взял кинжал в правую руку, старый меч — в левую. «Заводная кукла» зашевелилась — хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке. Пластины-позвонки раскрылись, выпуская иглы.

— Я встречу его сам, — сказал Макс. — Вы остаётесь здесь. Если я не вернусь...

— Ты вернёшься, — перебила Мира. — Ты всегда возвращаешься.

Он вышел из оврага и шагнул в серый свет.

16.

Лес встретил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Холод в правом боку пульсировал — быстро, требовательно, как метроном. Кинжал кричал. Без голоса. Телом.

Наёмник вышел из-за деревьев через минуту. Высокий, худой, гладко выбритый, в чёрном плаще, который пульси-

ровал — как живая кожа, как второй слот, как рана, которая не заживает. В правом углу его глаза пульсировали двадцать слотов — не серых, не красных, а чёрных. Чёрных, как нора. Как дыра. Как рот, который открывается и не закрывается.

— Ты — аномалия, — сказал наёмник, и его голос был низким, густым, как патока. — Сто слотов. Четыре активных. Один аннигилированный. Ты убил Глиста. Это было ожидаемо. Глист был слаб. Я — сильный. Я — «Голодный карман». Мой инвентарь не хранит — он жрёт. Я пришёл пообедать.

Макс сжал кинжал. Холод в правом боку стал ледяным. Кинжал предупреждал — этот враг опасен. Сильнее, чем все, кого он встречал раньше.

— Ты не голоден, — сказал Макс. — Ты — жадный. А жадных убивают первыми.

Он бросился вперёд, занося кинжал для удара.

Часть 7. Бой с Голодным карманом

17.

Наёмник не уклонился. Он поднял руку — и из его ладони, из пульсирующей чёрной точки, вырвалась нить. Тонкая, почти невидимая, но пульсирующая. Она потянулась к кинжалу — не к лезвию, к слотам. К сетке 10 на 10 в правом углу глаза Макса.

Макс отшатнулся, но нить была быстрее. Она коснулась кинжала — и кинжал завизжал. Не голосом — металлом. Лезвие вибрировало, издавая тонкий, высокий звук, как комариный писк, но в тысячу раз громче. Он чувствовал, как кинжал умирает — медленно, болезненно, скуля.

«Хозяин! — крикнул кинжал мысленно, и его голос был полон боли. — Он жрёт меня! Он жрёт мою силу!»

Макс рванул кинжал на себя — и вырвал. Но не полностью. Часть лезвия осталась в нити — маленький обломок, который пульсировал чёрным, умирающим светом.

Системное сообщение: «Кинжал повреждён (структурная целостность 64%). Эффективность: -36%».

Макс отступил на шаг, сжимая искалеченный кинжал в правой руке. Лево́й он поднял старый меч.

— Ты — следующий, — сказал он мечу. — Или убьёшь, или умрёшь. Выбирай.

Меч не ответил. Но зелёный налёт на лезвии стал пульсировать — быстрее, ярче, как сердце, которое проснулось.

18.

Макс атаковал мечом. Не кинжалом — мечом. Удар был тяжёлым, неуклюжим, но меч не треснул. Не зазубрился. Он вошёл в плечо наёмника — глубоко, почти до кости. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом. И на этот раз меч впитывал. Кровь не застывала на лезвии — она исчезала, втягивалась в металл, в трещины, в самую суть клинка.

Зелёный налёт начал таять. Медленно, по миллиметру, но таять.

Системное сообщение: «Старый меч (обычный) — состояние: критическое (острота 18% → 22%, прочность 41% → 43%, разложение 62% → 58%)».

Макс не смотрел на цифры. Он ударил снова — в грудь. Меч вошёл глубже. Кровь хлынула сильнее. Зелёный налёт таял быстрее.

— Ещё, — сказал Макс мечу. — Ещё. Жри. Это твоя еда.

Наёмник закричал — от боли, от ярости, от страха. Его нити метались, пытаясь дотянуться до меча, до кинжала, до «Куклы». Но Макс не давал. Он рубил мечом, как топором, как мясник, как палач.

19.

Последний удар пришёлся в шею. Меч рассёк артерию — и кровь хлынула фонтаном, заливая землю, деревья, лицо Макса. Наёмник упал на колени, потом на бок, потом замер. Его двадцать чёрных слотов погасли один за другим — 20, 19, 18, 17, 16...

Макс стоял над ним, тяжело дыша, и смотрел на меч. Лезвие было покрыто кровью — но не чёрной, не гнилой, а яркой, алой, живой. Кровь впитывалась в металл, исчезала, оставляя после себя чистоту. Зелёный налёт исчез почти полностью — только у самой гарды осталась тонкая зелёная полоска, похожая на шрам.

Системное сообщение: «Старый меч (обычный) — состояние: удовлетворительное (острота 55%, прочность 60%, разложение 20%). Для полного восстановления требуется ещё 3—5 убийств».

Макс вытер меч о плащ мёртвого наёмника, поднял его над головой. Металл блестел в сером свете — тускло, но живо. Меч не говорил. Не требовал. Не благодарил. Но Макс чувствовал: он жив. Он снова стал частью его руки.

— Договорились, — сказал Макс мечу. — Убил — обновил. Ты — мой. А я — твой. Пока не рассыплюсь.

Он убрал меч в слот, поднял кинжал (искалеченный, но живой) и пошёл обратно в лагерь.

Часть 8. Тишина после боя

20.

В лагере его встретили молчанием. Мира смотрела на меч — на его чистое лезвие, на исчезнувший налёт, на кровь, которая ещё не успела засохнуть на гарде. В её глазах было что-то новое. Не страх — уважение.

— Ты убил его, — сказала она. Не спросила — констатировала.

— Он убил бы нас, — ответил Макс, садясь у костра. — Я не хотел. Но выбора не было.

Он достал меч из слота, положил на колени. Тот был тёплым — не горячим, не холодным, а именно тёплым, как живое тело. Он не пульсировал, но Макс чувствовал его присутствие — спокойное, уверенное, живое.

Рвань подошёл ближе, посмотрел на меч. Его слот пульсировал ровно, спокойно.

— Ты накормил его, — сказал Рвань. — Живой кровью. Он проснулся. Теперь он будет слушаться. Не как кинжал —

как... как верный пёс. Который не говорит, но понимает.

— Он не понимает, — ответил Макс. — Он просто... работает. Это всё, что мне нужно.

Он убрал меч в слот, закрыл глаза. Голоса в голове были тихими — не требовали, не кричали, не спорили. Кинжал затих, переваривая еду. «Кукла» успокоилась, её хвосты опустились. «Слеза» молчала — она всегда молчала.

Только старый меч — его молчание было другим. Оно было спокойным. Как сон. Как отдых. Как тишина после боя.

21.

Макс сформулировал итог — мысленно, чётко, как закон.

«Правило №3 (Арка 3): Молчаливое оружие — не враг. Оно просто не умеет говорить. Но оно чувствует. Голод. Боль. Забвение. Если я не кормлю его — оно умирает. Если я кормлю — оно служит. Это честнее, чем сделки. Честнее, чем требования. Это просто... механика».

Он открыл глаза. Сетка 10 на 10 пульсировала, как всегда — ровно, спокойно, безразлично. Но цифры изменились.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 23% $\rightarrow$ 30% (убийство наёмника)

Урон здоровья: 72% $\rightarrow$ 74% (микротравмы от боя)

Риск психотической перегрузки: 52% $\rightarrow$ 48% (стабилизация)

Старый меч (обычный) — состояние: удовлетворительное (острота 55%, прочность 60%, разложение 20%)

Макс закрыл интерфейс, провёл рукой по лицу. Кровь засохла, превратившись в корку, которая трескалась при каждом движении. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

— Запомните, — сказал он, обращаясь к тем, кто остался. — Это — цена. Не моя. Ваша. Я плачу за вас своей душой. Своим оружием. Своей кровью. Чтобы вы могли жить.

Мира смотрела на него, и в её глазах было что-то новое. Не страх — понимание.

— Ты стал другим, — сказала она. — Раньше ты боялся убивать. Теперь ты кормишь вещи врагами. Это... это пере-

ход. Через черту.

— Через черту переходят один раз, — ответил Макс. — Потом уже не оглядываются.

Он закрыл глаза. Сны не пришли — только тишина. И голоса, которые стали тише, но не исчезли.

Они ждали. Всегда ждали.

Часть 9. Клиффхэнгер

22.

Ночью, когда костёр прогорел до углей, а дети заснули, Макс сидел у стены, сжимая в руке кинжал, и смотрел на огонь. Пламя было жёлтым, живым, пахло дымом и смолой. Оно не пульсировало, как деревья, и не шептало, как камни. Оно просто горело. И это было хорошо.

Он достал из слота старый меч, положил на колени. Тот был тёплым — не горячим, не холодным, а именно тёплым, как живое тело. Лезвие блестело в свете углей — тускло, но живо. Зелёный налёт почти исчез, осталась только тонкая полоска у гарды, похожая на шрам. Меч помнил. Меч не забыл.

— Ты не заговоришь никогда, — сказал Макс мечу. — Я знаю. Ты — не артефакт. Ты — инструмент. Но инструменты тоже могут быть верными. Если их не забывать.

Он провёл пальцем по лезвию. Металл был холодным, но не мёртвым. Он чувствовал под пальцем пульсацию — слабую, едва заметную, но живую. Меч дышал. Он спал. Но он был жив.

— Завтра, — сказал Макс. — Завтра мы снова пойдём на охоту. Не для сытости — для тебя. Ты должен стать острым. Ты должен стать сильным. Ты должен стать частью меня. Не говорящей — делающей.

Он убрал меч в слот, закрыл глаза. Холод в правом боку пульсировал — ровно, спокойно. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупредить.

Вдруг холод стал сильнее. Не намного — на градус, не больше. Кинжал дёрнулся в слоте — коротко, резко, как предупреждение. Макс открыл глаза, прислушался к себе. Холод пульсировал — быстро, неровно, как сердце кролика, который чует хищника. Кто-то был рядом. Кто-то, кого не было в радиусе сенсоров «Куклы». Кто-то, кого можно было только почувствовать.

Он подошёл к выходу, прильнул к щели между камнями. Лес был пуст. Серый, пульсирующий, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но вдалеке, на краю поляны, он увидел силуэт. Один. Он стоял и смотрел на овраг. Не приближался. Не уходил. Просто смотрел.

— Кто там? — прошептал Макс, обращаясь не к Мире — к кинжалу.

Холод стал сильнее. Кинжал указывал направление. На юг. В лес. В серую пульсирующую тьму.

Силуэт не ответил. Он стоял, смотрел, ждал. И в его глазах, в глубине, пульсировал свет. Не красный — серебряный. Как у тех, кто знал ритуал «Сдерживания». Как у тех, кто платил воспоминаниями за тишину.

Макс отступил от щели, вернулся к костру. Холод в правом боку не стихал. Кинжал не врал. Кто-то был там. Кто-то, кто не хотел, чтобы его видели. Кто-то, кто только наблюдал.

— Завтра, — сказал он, обращаясь к пустоте. — Завтра мы узнаем, кто ты. И зачем ты здесь.

Он закрыл глаза. Сны не пришли — только тишина. И голоса, которые стали тише, но не исчезли.

А в правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, четыре активных, девяносто пять заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт. И старый меч, который наконец-то проснулся.

Системные итоги главы 3

Параметр До главы После главы

Активные слоты 4 4

Заблокировано 95 95

Аннигилировано 1 1

Сытость 23% 30%

Урон здоровья 72% 74%

Риск психотической перегрузки 52% 48%

Старый меч (обычный) критическое (15%, 40%, 65%)

удовлетворительное (55%, 60%, 20%)

Кинжал структурная целостность 100% повреждён (64%)

Новые правила Макса:

- Правило №2 (Арка 3): «Убил — обновил» для всего оружия в активных слотах.

- Правило №3 (Арка 3): Молчаливое оружие требует не слов, а действия.

Потери: Часть лезвия кинжала (восстановима через кормление).

Трофеи: Останки наёмника «Голодный карман» (частично переработаны мечом).

Новые угрозы: Серебряный силуэт на краю леса (наблюдатель).

— —

Плашка в конце главы

«Оружие без имени не просит. Оно просто умирает. Если не режешь им — ржавеет. Если не замечаешь — тупится. Если забываешь — ломается в руке. Макс понял: молчаливая вещь хуже кричащей. Крикуна можно заткнуть. А тишина, которая умирает, — это приговор. Теперь у него два режима: кинжал для крови, старый меч для долга. Убил — обновил. Забыл — умри. Он не забыл. Он выжил. Но в лесу уже ждёт следующий. Тот, чьи глаза пульсируют серебром. Тот, кто не нападает — смотрит».

Глава 4. Гнездо беженцев

— — Часть 1. Голодный счётчик

1.

Макс проснулся от того, что его собственный желудок перестал подавать сигналы.

Это было неестественно — тело должно было кричать о голоде, требовать еды, посылать спазмы и боли. Но вместо этого — тишина. Не спокойная, а больная. Как будто организм сдался. Перестал бороться. Решил, что если хозяин не кормит его, то и незачем напоминать.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к шершавой стене оврага. Поза была знакомой до боли — он спал так последние несколько дней, с тех пор как голоса вещей начали затихать, уступая место чему-то другому. Чему-то, что не говорило, но чувствовало. Над ним нависал серый свод — сплетение корней и камней, пульсирующих в такт чему-то огромному и голодному. Рядом догорал костёр. Угли шипели, выбрасывая последние искры в сырой воздух, пахнувший железом, прелой листвой и чем-то сладковато-приторным — запахом вчерашней крови.

Он не открывал глаза. Он слушал.

Сначала — ничего. Только редкие капли воды, падающие с веток на землю. Только чьё-то прерывистое дыхание. Денис, тот самый, с одним слотом и пустыми глазами, дышал тяжело, с присвистом — спал, но не отдыхал. Только шелест чьих-то тряпок. Женщина — мать Лисы — ворочалась во сне, что-то шептала — молитвы? Имя? Он не разбирал.

Только пульсация слотов.

Его собственных — сто ячеек, пульсирующих в разном ритме. Но сегодня они пульсировали вяло, медленно, как сердца умирающих. Сытость падала. Он чувствовал это каждой клеткой.

Миры — три, ровно, как метроном. Дениса — один, тревожно, почти красным. Тени — один, слабо, едва заметно. Рвани — один, новый, пульсирующий неровно, как у человека, который не знает, проснётся ли завтра. И Лисы — у неё не было слотов, но Макс слышал её дыхание. Ровное, детское, не испуганное. Она ещё не знала, что такое голод. Она узнает. Скоро.

А потом — пустота. Ни холода, ни тепла, ни пульсации. Кинжал молчал. «Кукла» спала. Старый меч... старый меч был здесь, в слоте, но его присутствие было каким-то боль-

НЫМ.

Макс открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Овраг, в котором они укрылись, был неглубоким — метра три в глубину, метров десять в длину. Стены из глины и камня, кое-где подпёртые прогнившими досками. Дно утрамбованное, усеянное мелким мусором, костями и пятнами засохшей крови. Кости были не только звериными — человеческие фаланги, обломки рёбер, черепная коробка, расколота надвое. Кто-то умер здесь. Кто-то, у кого не было слотов. Или были, но они погасли вместе с ним.

2.

Макс сел, опираясь на здоровую руку. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, выпуская воздух, потом сжались снова, плотнее прилегая к телу. Хвосты, торчащие из-за спины, слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки. Она сканировала пространство, даже когда он спал. Макс чувствовал её работу как лёгкое жжение в позвоночнике — сенсоры проверяли радиус в пятьдесят метров, выискивая красные пятна.

Сегодня утром красных пятен не было. Только серые,

только мёртвые, только свои.

Он открыл интерфейс. Сетка 10 на 10 пульсировала, как всегда — ровно, спокойно, безразлично. Но цифры, которые он увидел, заставили его замереть.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 11%

Автофаг: вернётся через 6 часов

Урон здоровья: 74%

Риск психотической перегрузки: 48%

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 55% эффективности)

Одиннадцать процентов.

Макс прочитал эту цифру три раза. Потом — ещё раз. Она не изменилась.

Одиннадцать процентов — это не голод. Это предсмерт-

ная агония его инвентаря. Это когда слоты уже не требуют — они молчат, потому что знают: если они заговорят, хозяин не сможет ответить. Они экономят силы. Как умирающие, которые перестают звать на помощь, потому что знают — никто не придёт.

Автофаг вернётся через шесть часов. Значит, к полудню его слоты начнут жрать его вещи. Сначала мелочь — пустая фляга, амулет, старая броня (та, что лежала в первом слоте, пылилась, обижалась). Потом — оружие. Кинжал. Старый меч. «Слеза Ворона». Потом — броня. «Заводная кукла». А потом — его самого. По частям. Без очереди.

3.

Вокруг, на земле, укрытые рваными тряпками и старой одеждой, спали те, кто остался.

Пятеро.

Мира — у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному камню. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание, как учил её кто-то давно, в другой жизни. На правом плече — свежая повязка. Живнца, которую она выпила вчера, сделала своё дело. Рана затягивалась, но розовый рубец ещё болел — Мира морщилась,

когда шевелила рукой даже во сне. Она не показывала боли. Она никогда не показывала.

Денис сидел у входа в овраг — узкого проёма, заваленного сухими ветками, — сжимая в руке нож. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он забыл имя дочери. Сегодня он, наверное, забудет её лицо. А завтра — забудет, зачем он здесь. Макс знал это. Он видел, как умирает память — не сразу, по кускам. Сначала имя, потом лицо, потом голос, потом чувство. Остаётся только пустота. И слот, который требует, чтобы её заполнили.

Тень — бывший Костолом, которого Макс взял в отряд после того, как тот встал между ним и скелетом, — лежал в углу, укрытый рваной курткой. Его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно. Он был жив. Но насколько — никто не знал. Рана на животе затянулась, но внутри ещё что-то кровоточило — система не показывала, что именно. Тень не жаловался. Он просто лежал и смотрел в потолок, и его глаза были пустыми, как небо в этом мире.

Лиса — рыжая девочка, которую Макс нёс на плечах после атаки гнилого пса, — спала между матерью и костром. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но она улыбалась во сне. Впервые за много дней. Она спасла

его у обрыва. Он не забыл. Он никогда не забудет.

Рвань — новичок, бывший Костолом, которого Макс взял в отряд вчера, — сидел у стены, прислонившись спиной к холодному камню. Его единственный слот пульсировал ровно, спокойно — впервые за долгое время. Он не спал. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — настороженное уважение.

Макс пересчитал их. Пять человек. Два раненых (Тень и мать Лисы), один почти потерявший память (Денис), один новичок, которому он ещё не доверял (Рвань), и Мира — единственная, кто мог держать оружие. И он — с сотней слотов, из которых только четыре активных, и сытостью, которая тает, как лёд на солнце.

Он посмотрел на свои руки. Они были в крови — засохшей, чёрной, въевшейся в трещины кожи, под ногти, в линии судьбы, которых он никогда не разбирал. Кровь вчерашнего пса. Кровь Костолома с восемью слотами. Кровь тех, кого он убил, чтобы выжить. Кровь смешалась, стала одним целым, как и всё в этом мире.

Но сегодня она не грела. Сегодня она была холодной. Как напоминание о том, что он не убивал уже почти сутки. А его слоты требовали новой крови.

Мира не спала. Она смотрела на него — пристально, изучающе, как смотрят на человека, который только что вернулся с того света.

— Ты ворочался всю ночь, — сказала она тихо, чтобы не разбудить детей. — Бормотал что-то про счётчик. Про то, что цифры падают. С кем ты спорил во сне?

— С инвентарём, — ответил Макс, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал. — Он считает. Каждую минуту. Каждую секунду. Я слышу, как тикает автофаг. Как метроном. Как приговор.

Он поднялся, потянулся, хрустнув позвонками. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, впуская воздух, потом сжались снова. Хвосты, торчащие из-за спины, слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки. Но сегодня в этой вибрации было что-то новое. Вялость. Она тоже устала. Она тоже была на грани.

— Сколько у нас еды? — спросил он, хотя знал ответ.

— Нисколько, — ответила Мира. — Вчера ты принёс пса. Мы съели его вечером. Сегодня утром дети проснулись голодными. Женщины — тоже. Тень не ел уже два дня. Рвань — три. У нас есть вода. Полторы фляги. Этого хватит на день. Может быть, на два, если не пить.

Макс посмотрел на детей. Пятеро мальчиков и четверо девочек. Самой маленькой было два года — девочка с тёмными волосами, которую мать называла «Соня», потому что она спала больше, чем ела. Она спала и сейчас, прижавшись к материнской груди, и её лицо было спокойным — слишком спокойным для ребёнка, который родился в этом аду.

— Они умрут, если я не найду еду, — сказал он. — Не от голода — от слабости. Костоломы найдут нас. Или монстры. Или просто холод. Они не переживут ещё один день без еды.

— Ты тоже, — сказала Мира. — Твоя сытость — 11%. Автофаг вернётся через шесть часов. Если ты не накормишь слоты, они сожрут твои вещи. А потом — тебя. Ты умрёшь раньше, чем дети.

Макс сжал кулаки. В голове крутились цифры. Шесть часов — это не время. Это приговор. Он мог убить пса. Мог убить монстра. Мог убить Костолома. Но их не было рядом. Лес был пуст — псы ушли, монстры затаились, Костоломы

стояли на месте. Он обошёл радиус в километр вчера — ни одного красного пятна, ни одной живой души. Только серая, пульсирующая пустота.

— Нам нужно идти, — сказал он. — В лес. Глубже. Там, где деревья гниют, а воздух пахнет смертью. Там, где прячутся те, кто не хочет, чтобы их нашли.

— Беженцы, — сказал Рвань из своего угла, и его голос был слабым, прерывистым, но в нём звучала уверенность. — Я слышал о них. Они прячутся в пещерах. В старых шахтах. В подземельях. Они не охотятся. Не убивают. Просто... ждут. Ждут, когда умрут. У них есть еда. Вода. Оружие. Иногда — слоты. Но они слабы. Они не воины. Они — мясо.

Макс повернулся к нему. Рвань смотрел на него снизу вверх, и его единственный слот пульсировал ровно, спокойно. Он не боялся. Он знал, что говорит. Он был Костоломом. Он видел такое раньше. Может быть, даже участвовал.

— Где? — спросил Макс.

— В трёх милях к западу, — ответил Рвань. — Там есть пещера. Неглубокая. Метров пять в длину. В ней прячутся беженцы. Я слышал о них от других Костоломов. Они не трогали их, потому что там нечего было взять. Ни оружия, ни

слотов, ни еды. Просто... люди. Раненые. Больные. Умирующие.

— Сколько?

— Не знаю. Пять. Может быть, семь. Может быть, десять. Я не проверял. Но они там. Ждут.

Макс смотрел на него долго, тяжело. В голове крутились цифры. Пять-десять человек. Раненые. Беззащитные. Легкая добыча. Еда для его слотов. Сытость для его инвентаря. Время для его отряда.

— Мы идём, — сказал он. — Сейчас.

Мира поднялась, взяла нож. Её три слота пульсировали тревожно — она знала, что он задумал. Она не спрашивала. Она знала ответ.

— — Часть 2. Дорога к пещере

5.

Они выступили через час. Солнце — или то, что здесь называлось солнцем, — поднялось чуть выше, окрасив серое небо в более тёмный оттенок серого. Дети шли в центре, прижавшись к женщинам. Денис замыкал, сжимая в руке нож. Тень опирался на палку — его рана ещё болела, но он держался. Мира шла впереди, чуть правее Макса, и её три слота пульсировали ровно, но тревожно. Рвань шёл рядом с Максом — он вызвался быть проводником. Он знал эти места. Он был здесь раньше.

Макс шёл первым, сжимая в руке кинжал. Тот был холодным — не ледяным, а именно холодным, как утренний воздух. Он не требовал крови. Не вибрировал. Не мурлыкал. Он просто был. Как кусок металла. Как инструмент. Как предупреждение.

Холод в правом боку был ровным, спокойным. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать. Макс не знал. Он только знал, что сейчас, в эту минуту, они в безопасности. Насколько это вообще возможно в этом мире.

Лес встретил их серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Воздух был плотным, тяжёлым, как перед грозой. Пахло железом, гнилью и чем-то сладким — тем же запахом, что и у зелья-оборотня, только слабее, разбавленным, как старый чай.

Они шли молча. Дети не плакали — у них не было сил. Женщины не шептали молитвы — они их забыли. Только хруст веток под ногами, только редкие капли воды, падающие с веток, только пульсация слотов — его, Миры, Дениса, Тени, Рвани, даже детей (у тех, у кого они были).

6.

Через час пути Рвань остановился. Его единственный слот пульсировал чаще — он нервничал. Или боялся. Или просто устал.

— Там, — сказал он, показывая на заросли терновника в пятидесяти метрах слева. — За кустами. Вход в пещеру. Она неглубокая. Метров пять в длину. Если они там — вы их услышите. Они не прячутся. Им некуда прятаться.

Макс поднял руку, призывая к тишине. Отряд замер. Дети затихли — даже самые маленькие чувствовали напряжение. Женщины прижали их к себе.

Он прислушался.

Сначала — ничего. Только его дыхание. Только пульсация слотов. Только ветер, которого не было, но который, казалось, шелестел в листве.

Потом — звук.

Тихий, слабый, прерывистый. Стон. Не боли — усталости. Человек, который стонет во сне. Или не во сне. Или уже не в сознании.

Ещё звук. Кашель. Сухой, надрывный, как у того, кто болен. У кого нет сил даже кашлять нормально.

Ещё. Детский плач. Не громкий — тихий, всхлипывающий. Ребёнок плачет не от голода — от страха. От того, что не понимает, где он и почему вокруг темно.

Макс закрыл глаза. Холод в правом боку был ровным, спокойным. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать. Потому что угроза была

не для него. Угроза была для тех, кто прятался в пещере.

— Сколько их? — спросила Мира шёпотом.

— Не знаю, — ответил Макс. — Пять. Может быть, семь. Может быть, больше. Кинжал молчит. Он не чувствует опасности.

— Потому что они не опасны, — сказал Рвань. — Они — мясо.

Макс посмотрел на него. В глазах Рвани не было жестокости — была усталая констатация. Он был Костоломом. Он видел такое раньше. Он знал, что будет, если Макс войдёт в пещеру. Он знал, что Макс сделает. И он не боялся. Он просто ждал.

— Уведи детей, — сказал Макс Мире. — И женщин. Денис — охраняй их. Рвань — со мной. Тень — остаётся с нами.

— Нет, — сказала Мира, и в её голосе появилась сталь. — Я пойду с тобой.

— Зачем? — спросил Макс. — Чтобы смотреть? Чтобы потом ненавидеть меня? Я не хочу, чтобы ты видела это.

— Я уже видела, — ответила Мира. — Ты убил Шороха. Я смотрела. Я не отвернулась. Я не буду отворачиваться и сейчас.

Макс смотрел на неё долго, тяжело. Потом кивнул — коротко, по-мужски, без лишних слов.

— Хорошо. Идём.

Он шагнул в заросли терновника.

7.

Вход в пещеру был узким — приходилось пробираться боком, цепляясь плечами за острые камни. «Заводная кукла» заскрежетала по стенам — пластины-позвонки царапали камень, издавая звук, похожий на скрежет металла по стеклу. Макс чувствовал, как броня напрягается — она не хотела втискиваться в это отверстие. Но она подчинялась.

За входом пещера расширялась. Не намного — метра четыре в длину, три в ширину. Стены из грубо отёсанного камня, кое-где подпёртые прогнившими деревянными балками. Потолок — низкий, давящий, с корнями, которые свисали, как вены. Пол — земляной, утрамбованный, усеянный мел-

ким мусором, соломой и пятнами засохшей крови.

В пещере было темно. Не серо, не черно — именно темно, как в комнате, где выключили свет и заколотили окна. Только редкие лучи серого света пробивались сквозь щели в камнях, рисуя на стенах и полу причудливые узоры.

И в этой темноте — тела.

Семь человек. Трое мужчин, две женщины, двое детей.

Они лежали на земле, укрытые рваными тряпками и старой одеждой. У всех были раны — свежие, перевязанные грязными бинтами, или старые, уже загноившиеся. Кто-то спал, кто-то был без сознания, кто-то смотрел в потолок пустыми, выцветшими глазами.

Запах был ужасным. Смесь гниющей плоти, немытого тела, крови и чего-то сладковато-приторного — того самого запаха, который он чувствовал в склепе, где нашёл «Слезу Ворона». Запах смерти, которая ещё не наступила, но уже дышит в лицо.

8.

Один из мужчин — тот, что лежал ближе всех к выходу,

— поднял голову. У него был один слот — серый, пустой, пульсирующий тревожно, почти красным. Он был молод — лет двадцати пяти, не больше. Худой, бледный, с тёмными волосами, прилипшими ко лбу. Одежда — рваная рубаша, штаны, один ботинок. На правой руке — повязка, пропитанная кровью. Кровь была чёрной — заражённой. Он умирал. Не сегодня — через несколько дней. Но умирал.

Он посмотрел на Макса. В его глазах не было страха. Не было надежды. Не было ничего. Только пустота. Пустота человека, который уже сдался. Который знает, что умрёт, и не борется.

— Ты... — прошептал он, и его голос был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — Ты кто?

— Тот, кто пришёл, — ответил Макс.

Он не сказал «помочь». Не сказал «спасти». Он сказал правду.

Мужчина смотрел на него долго, тяжело. Потом его слот мигнул — раз, два, три — и пульсация стала ровнее, спокойнее. Он не понял слов Макса. Он понял его взгляд. Холодный. Расчётливый. Голодный.

— Уходи, — сказал мужчина. — Здесь нечем поживиться. У нас ничего нет. Ни еды, ни воды, ни оружия. Только мы.

— Вы — это и есть еда, — ответил Макс.

Мужчина замер. Его слот мигнул снова — быстрее, тревожнее. Он понял. Он знал, что будет. Он видел такое раньше. Или слышал. Или чувствовал.

— Ты... ты не сделаешь этого, — прошептал он, и в его глазах на секунду появилась надежда. — Ты не монстр.

— Монстры убивают ради удовольствия, — сказал Макс.
— Я убиваю ради выживания. Разница есть.

Мужчина не ответил. Он закрыл глаза. Его слот пульсировал — быстро, неровно, как сердце кролика, который чует хищника. Он ждал.

9.

Мира стояла у входа в пещеру, сжимая нож. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги. Она смотрела на лежащих — на раненых, на детей, на женщин, — и в её глазах было что-то, чего Макс не видел раньше. Не страх — сожаление. Сожаление о том, что она не может остановить

его. Или не хочет.

— Ты уверен? — спросила она, и её голос дрожал.

— Нет, — ответил Макс. — Но у меня нет выбора.

Он достал кинжал из слота. Тот был горячим — почти обжигающим. Лезвие пульсировало в такт его сердцу, и на металле, в глубине, проступили красные прожилки — голодные, требовательные, живые.

— Если есть кто-то, кто может держать оружие, — сказал он, обращаясь не к Мире — к тем, кто лежал в пещере, — поднимите руки. Я не трону вас. Вы можете идти. Или остаться. Но если вы не можете защитить себя — вы не нужны мне живыми.

Тишина. Только хриплое дыхание. Только капли воды с потолка. Только пульсация слотов.

Никто не поднял руку.

Ни один из семерых. Ни мужчины, ни женщины, ни даже дети — они не понимали, что происходит, но чувствовали страх.

Никто не попросил помощи.

Никто не сказал: «Пощади».

Никто не сказал: «Убей меня быстро».

Они просто лежали и ждали. Как скот в загоне. Как мясо на бойне.

Макс сделал шаг вперёд.

— — Часть 3. Три минуты

10.

Первый удар пришёлся в шею мужчины с одним слотом — того, кто заговорил первым.

Кинжал вошёл в плоть легко, как в масло. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнущая железом. Мужчина не закричал — только выдохнул, и его глаза, полные пустоты, стали пустыми навсегда.

Системное сообщение всплыло перед глазами Макса, но он не смотрел на него. Он смотрел на тело. На то, как оно обмякает. На то, как кровь заливает землю, смешиваясь с грязью и соломой.

«Зафиксировано убийство (беженец, один слот, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 11% → 13%»

Кинжал вибрировал — довольно, сыто. Он получил свою долю.

Макс вытер лезвие о рубаху мёртвого и повернулся к следующему.

Второй был мужчиной лет сорока. У него не было слотов — пустой правый угол глаза, серая, мёртвая пустота. Он лежал на боку, свернувшись калачиком, и его руки были сжаты в кулаки — даже во сне, даже в агонии, он сжимал кулаки. Привычка тех, кто когда-то боролся. Тех, кто сдался, но не забыл.

Он не проснулся, когда Макс подошёл. Не открыл глаза. Не вздрогнул. Может быть, он был без сознания. Может быть, он умер за минуту до того, как кинжал коснулся его шеи. Макс не знал. И не хотел знать.

Второй удар — в основание черепа. Быстро, чисто, почти без крови.

«Зафиксировано убийство (беженец, без слотов, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 13% → 15%»

Старый меч в слоте зашевелился — он тоже хотел есть. Макс почувствовал его тепло — требовательное, нетерпеливое. Меч не говорил, но он чувствовал. Он знал, что происходит. И он хотел свою долю.

— Жди, — мысленно сказал Макс. — Твоя очередь будет.

Меч затих. Но его тепло не исчезло.

12.

Третьей была женщина. Лет тридцати, с тёмными волосами, собранными в грязный пучок. У неё был один слот — серый, пустой, пульсирующий слабо, едва заметно. Она умирала. Не от удара — от болезни. Её лицо было бледным, губы — синими, под глазами — чёрные круги. Она не спала — она смотрела на Макса. Смотрела, как он убил первого. Смотрела, как он убил второго. Смотрела, как он подходит к ней.

— Не надо, — прошептала она, и её голос был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего. — Я не хочу умирать.

— Ты уже умираешь, — ответил Макс. — Я просто ускоряю процесс.

Он приставил кинжал к её горлу. Кинжал пульсировал — он хотел крови. Он не ждал.

— Пощади, — сказала женщина, и в её глазах появились

слёзы. — Ради... ради детей. Они останутся одни.

Макс посмотрел на детей. Двое. Девочка лет пяти и мальчик лет трёх. Они лежали рядом с женщиной, прижавшись к ней, и смотрели на Макса расширенными глазами. Они не плакали. Они не понимали, что происходит. Они видели кровь, но не знали, что это значит.

Макс колебался секунду. Кинжал в его руке пульсировал — требовал. Холод в правом боку был ледяным — он не предупреждал об опасности, он просто был. Макс знал: если он не убьёт их всех, они умрут от голода через несколько дней. Или от холода. Или от Костоломов. Или от монстров. Или от ран, которые уже гноились. Он не мог их спасти. Он мог только дать им быструю смерть.

— Прости, — сказал он.

И ударил.

Кровь хлынула. Женщина не закричала — только выдохнула, и её глаза, полные слёз, стали пустыми.

«Зафиксировано убийство (беженка, один слот, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 15% → 17%»

Четвёртый был мальчиком. Лет пяти. С одним слотом — серым, пустым, пульсирующим слабо. Он не понимал, что происходит. Он видел, как Макс убил его мать, но не кричал. Не плакал. Он просто смотрел, и в его глазах был ужас — такой глубокий, что он не мог вырваться наружу.

Макс смотрел на него, и внутри него, в том месте, где раньше билась жалость, пульсировала пустота. Он пытался вызвать в себе сочувствие, страх, отвращение — ничего. Только холод. Только счётчик сытости, который рос с каждым убийством.

— Закрой глаза, — сказал он мальчику.

Мальчик не закрыл. Он смотрел на Макса, и его губы шевелились, но звука не было. Он пытался что-то сказать. Может быть, «мама». Может быть, «не надо». Может быть, просто «почему».

Макс не стал ждать.

Кинжал вошёл в шею мальчика быстро, чисто, почти без крови. Тело маленькое, хрупкое — лезвие прошло сквозь плоть, как сквозь масло. Мальчик не закричал — только вы-

дохнул, и его глаза, полные ужаса, стали пустыми.

«Зафиксировано убийство (ребёнок, один слот, ценность: минимальная). Сытость инвентаря: 17% → 18%»

Макс вытер кинжал о свою штанину и повернулся к пятой.

14.

Пятая была женщиной. Лет пятидесяти, с седыми волосами и глубокими морщинами на лице. У неё не было слотов — пустой правый угол глаза, серая, мёртвая пустота. Она лежала на спине, глядя в потолок, и её глаза были открыты. Она не спала — она ждала. Ждала, когда кто-то придёт. Ждала, когда всё закончится.

Она посмотрела на Макса, когда он подошёл. В её глазах не было страха. Не было надежды. Было только спокойствие — то самое, которое приходит, когда человек принял смерть.

— Ты из Костоломов? — спросила она, и её голос был слабым, но ровным, без дрожи.

— Нет, — ответил Макс. — Я хуже.

Она усмехнулась — криво, грустно, без злобы.

— Хуже не бывает. Костоломы убивают ради забавы. Ты убиваешь ради... чего? Сытости? Слотов? Системы? Какая разница? Мы все умрём. Ты — позже. Мы — раньше. Но все умрём.

— Я знаю, — сказал Макс.

Он приставил кинжал к её горлу. Кинжал пульсировал — он хотел крови. Он не ждал.

— Ты будешь молить о пощаде? — спросил Макс.

— Нет, — ответила женщина. — Я буду благодарить. За то, что ты избавишь меня от этого кошмара.

Она закрыла глаза.

Макс ударил.

«Зафиксировано убийство (беженка, без слотов, ценность: минимальная). Сытость инвентаря: 18% → 19%»

15.

Шестой был мужчиной. Лет тридцати, коренастым, с ши-

рокими плечами и руками, которые когда-то были сильными. У него был один слот — серый, пустой, пульсирующий тревожно, почти красным. На нём была броня — кожаная, потрёпанная, с глубокими царапинами. Он был воином. Когда-то. Теперь — просто мясо.

Он не спал. Он сидел, прислонившись спиной к стене, и сжимал в руке нож. Ржавый, зазубренный, но острый. Он смотрел на Макса, и в его глазах была не пустота — ненависть. Глубокая, животная ненависть того, кто знает, что умрёт, но хочет забрать с собой хотя бы одного врага.

— Не подходи, — сказал он, и его голос был низким, рычащим, как у зверя, который загнан в угол. — Я убью тебя. Даже если умру сам.

Макс смотрел на него. Кинжал в его руке пульсировал — он хотел крови. Холод в правом боку был ровным, спокойным — кинжал не чувствовал угрозы. Потому что угрозы не было. Этот человек был слаб. Ранен. Полумёртв. Он не мог убить даже ребёнка.

— Ты не убьёшь меня, — сказал Макс. — Но я даю тебе выбор. Встань. Возьми свой нож. И попробуй. Или умри лёжа, как скотина.

Мужчина зарычал — низко, протяжно, как раненый зверь. Он попытался встать, но ноги не слушались. Он упал на колени, потом на бок, потом замер. Его слот мигнул — раз, два, три — и пульсация стала хаотичной. Он терял сознание — от слабости, от боли, от безнадёжности.

Макс подошёл к нему, наклонился и приставил кинжал к шее.

— Ты не воин, — сказал он. — Ты — труп, который ещё не знает, что умер.

Он ударил.

«Зафиксировано убийство (беженец, один слот, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 19% → 21%»

16.

Седьмой был девочкой. Лет пяти, с рыжими волосами, как у Лисы, и веснушками на щеках. У неё не было слотов — пустой правый угол глаза, серая, мёртвая пустота. Она лежала рядом с женщиной, которую Макс убил пятой. Может быть, это была её бабушка. Может быть, просто чужая женщина. Он не знал. И не хотел знать.

Она не спала. Она смотрела на Макса, и в её глазах был страх — такой сильный, что она не могла плакать. Она просто смотрела. Смотрела, как он убивал. Смотрела, как кровь заливала землю. Смотрела, как тела становились холодными.

Макс стоял над ней, сжимая кинжал. Кинжал пульсировал — он хотел крови. Он не ждал. Он требовал.

— Не надо, — прошептала девочка, и её голос был слабым, прерывистым, как у котёнка, который замерзает на снегу. — Я хорошая. Я не буду плакать. Не убивай меня.

Макс смотрел на неё, и внутри него, в том месте, где раньше была пустота, что-то шевельнулось. Не жалость — что-то другое. Воспоминание. Лиса. Такая же рыжая. Такая же маленькая. Такая же испуганная. Она тоже просила: «Не убивай». И он не убил. Он спас её. Нёс на плечах два километра. Назвал Лисой.

Но эта девочка — не Лиса. Она чужая. Она — еда. Она — сытость. Она — ещё один процент в счётчике, который тикает в его голове.

— Закрой глаза, — сказал он.

Девочка закрыла.

Макс ударил.

«Зафиксировано убийство (ребёнок, без слотов, ценность: минимальная). Сытость инвентаря: 21% → 22%»

— — Часть 4. Пир вещей

17.

Макс стоял посреди пещеры, тяжело дыша, и смотрел на семь тел. Кровь залила пол, смешалась с грязью и соломой, впиталась в землю. Запах железа ударил в нос — такой сильный, что к горлу подступила тошнота. Но он не отвернулся. Он смотрел.

Кинжал в его руке был горячим — почти обжигающим. Он вибрировал — довольно, сыто, почти пьяно. Он получил свою долю. Но он хотел больше. Он всегда хотел больше.

Старый меч в слоте зашевелился — нетерпеливо, требовательно. Он чувствовал кровь. Он хотел её. Он не говорил, но Макс чувствовал его желание — как жар под кожей, как зуд в пальцах, как жажду, которую нельзя утолить водой.

«Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, выпуская иглы. Её хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке. Она была голодна. Она хотела есть. Не кровь — сытость. Сытость, которую дают только мёртвые тела.

«Слеза Ворона» не требовала — она предлагала. Сделки. Разрезы. Свободу. Но сегодня она не предлагала ничего — она ждала. Смотрела. Оценивала.

Хищные латы — те, что лежали в пятом слоте, заблокированные после бунта, — зашептали. Тихим, шипящим шёпотом, как змеи, которые греются на солнце.

«Живая боль, — шептали они. — Живая боль. Дай нам живую боль. Мы будем сильными. Мы будем защищать. Дай нам».

Макс чувствовал их всех. Их голода. Их требования. Их желания. Они давили на него изнутри, как вода на глубине. Он зажал уши руками, но голоса были внутри. Они шли из его собственного тела — из слотов, которые стали частью его, как сердце или лёгкие.

— Ешьте, — сказал он, обращаясь к вещам. — Все. Сразу. Не спорьте. Не деритесь. Ешьте.

18.

Кинжал вонзился в тело первого мужчины — того, что с одним слотом, — и начал пить. Кровь впитывалась в лезвие, исчезала, втягивалась в металл, в трещины, в самую суть

клинка. Красные прожилки на лезвии вспыхнули ярко, потом потускнели — кинжал насыщался.

«Сытость инвентаря: 22% → 24%»

Старый меч выпал из слота сам — он не мог ждать. Он упал на землю, вонзился в тело второй женщины и засветился — тусклым, болезненным светом, впитывая кровь через лезвие, через трещины, через самую свою суть. Зелёный налёт на клинке начал таять. Медленно, по миллиметру, но таять.

«Сытость инвентаря: 24% → 26%»

«Заводная кукла» выпустила иглы — десятки игл, сотни, которые впились в тела мальчика и девочки. Процесс занял несколько секунд. Тела начали высыхать, сморщиваться, превращаться в мумии. Кожа облезала, мышцы сжимались, кости становились хрупкими, как сухие ветки. «Кукла» насыщалась — быстро, жадно, без остатка.

«Сытость инвентаря: 26% → 29%»

Хищные латы — те, что были наказаны, те, что должны были молчать ещё несколько дней, — не выдержали. Они вырвались из слота без приказа, вцепились в тело мужчины

в броне, впитали последние капли крови, последние остатки сытости. Их красные прожилки вспыхнули ярко, потом потускнели. Они насытились. Но они были недовольны — они получили падаль, а хотели живую боль. Они обиделись.

«Сытость инвентаря: 29% → 31%»

«Слеза Ворона» не касалась тел — она резала воздух, впитывая не кровь, а что-то другое. Что-то, чего Макс не видел, но чувствовал. Боль. Страх. Смерть. Она насыщалась тихо, незаметно, без суеты.

«Сытость инвентаря: 31% → 33%»

19.

Макс стоял посреди пещеры, сжимая в руке кинжал, и смотрел, как его вещи пожирают тела. Семь человек — семь жизней — превращались в пыль, в труху, в ничто. Кости трескали, плоть высыхала, кровь впитывалась в землю. Запах железа смешивался с запахом гнили, и этот коктейль ударял в нос, вызывая тошноту.

Он не отвернулся. Он смотрел. Смотрел, как кинжал насыщается. Как старый меч становится чище. Как «Кукла» убирает иглы, хвосты опускаются, пластины сжимаются. Как

хищные латы затихают — недовольные, но сытые.

Смотрел, как тела исчезают.

Один за другим.

Семь за семь минут.

Системные сообщения всплывали перед глазами одно за другим:

«Сытость инвентаря: 33% → 36%»

«Сытость инвентаря: 36% → 39%»

«Сытость инвентаря: 39% → 42%»

«Сытость инвентаря: 42% → 45%»

«Сытость инвентаря: 45% → 48%»

«Сытость инвентаря: 48% → 51%»

«Сытость инвентаря: 51% → 54%»

Когда последнее тело рассыпалось в прах, Макс закрыл

интерфейс и выдохнул. Сытость — 54%. Автофаг приостановлен на 168 часов. Семь дней. Неделя, когда он может не думать о голоде. Неделя, когда его слоты не будут кричать. Неделя, когда он может просто... выживать. Не бороться за еду — бороться за что-то другое.

«Автофаг приостановлен на 168 часов»

«Кинжал восстановлен (структурная целостность 64% → 78%)»

«Старый меч (обычный) — состояние: рабочее (острота 55% → 70%, прочность 60% → 75%, разложение 20% → 5%)»

«Риск психотической перегрузки: 48% → 60%»

«Наказания продлены: хищные латы (самовольная атака без приказа, блокировка голоса +48 часов)»

20.

Макс вытер кинжал о свою штанину и убрал в слот. Тот был тёплым — довольным, сытым, почти пьяным. Старый меч он поднял с земли, провёл пальцем по лезвию. Металл блеснул — тускло, но живо. Зелёный налёт исчез почти пол-

ностью, осталась только тонкая полоска у гарды, похожая на шрам.

— Ты жив, — сказал он мечу. — Снова.

Меч не ответил. Он не умел говорить. Но Макс чувствовал его присутствие — спокойное, уверенное, живое.

Он убрал меч в слот, подошёл к стене пещеры, прислонился лбом к холодному камню и закрыл глаза.

В голове было пусто — не спокойно, именно пусто, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Голоса вещей затихали — сытые, довольные, пьяные. Кинжал мурлыкал. Старый меч спал. «Кукла» успокоилась. Хищные латы обиженно шипели, но тоже затихали.

Только холод в правом боку — ровный, спокойный. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать. Потому что угрозы не было. Враги были мертвы. Семь человек. Семь жизней. Семь призраков, которые будут шептать ему в уши каждую ночь.

Он не знал, будут ли. Он не знал, вернутся ли голоса мёртвых, как возвращались голоса вещей. Он знал только, что сейчас — в эту минуту — он жив. Его слоты сыты. Его отряд

жив.

И это было главным.

— — Часть 5. Тишина после

21.

Макс вышел из пещеры, шатаясь. Кровь на его лице, на броне, на руках. Кровь засохла, превратившись в корку, которая трескалась при каждом движении. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

Лиса сидела на камне в двадцати метрах от входа, прижавшись к матери. Её глаза были расширены — она видела, как Макс вошёл в пещеру. Слышала звуки. Не крики — почти беззвучную смерть. Она не плакала. Она смотрела на него, и в её глазах было что-то новое. Не страх — понимание.

Мира стояла у входа, сжимая нож. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги. Она смотрела на Макса, и в её глазах не было ужаса, не было отвращения, не было уважения. Она смотрела на него, как на хищника, который только что сделал то, что должен был сделать. И она не знала, радоваться ей или бояться.

— Ты убил их всех? — спросила она, и её голос был ровным, спокойным, без дрожи.

— Да, — ответил Макс, сядя у костра (разведённого снаружи пещеры). — Семь человек. Трое мужчин, две женщины, двое детей.

— Детей?

— Детей, — повторил Макс.

Мира молчала долго. Потом спросила:

— Ты чувствуешь что-нибудь?

— Пустоту, — ответил Макс. — Не ту, которая была после ампутации слота. Другую. Как будто кто-то вырезал часть моей души ножом и выбросил. Но я не знаю, что это была за часть. Жалость? Совесть? Страх? Я не помню. Я не чувствую.

— Это пройдёт, — сказала Мира, но в её голосе не было уверенности.

— Нет, — ответил Макс. — Это останется. Как шрам. Как зелёный налёт на старом мече. Как память о том, что я сделал. Но я не буду смывать его. Я буду носить его. Как напоминание.

Денис стоял у края поляны, сжимая в руке нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал ровно, спокойно. Он не смотрел на Макса. Он смотрел в лес, охраняя периметр. Он не осуждал. Он не боялся. Он просто делал свою работу.

Тень лежал на земле, укрытый рваной курткой, и его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно. Он был жив. Он слышал. Он не комментировал. Он просто лежал и смотрел в небо, и его глаза были пустыми, как всегда.

Рвань сидел у костра, грел руки, и его единственный слот пульсировал ровно, спокойно. Он смотрел на Макса, и в его глазах было что-то новое. Не страх — уважение. Он был Костоломом. Он видел убийства. Он знал, что такое смерть. Но он не видел такого. Холодного. Расчётливого. Без жестокости — и без жалости.

— Ты не монстр, — сказал Рвань, и его голос был слабым, прерывистым, но в нём звучала уверенность. — Монстры наслаждаются. Ты — нет. Ты просто... делаешь. Это хуже. Или лучше. Я не знаю.

— Я тоже не знаю, — ответил Макс.

Он посмотрел на свои руки. Они были в крови. Засохшей, чёрной, въевшейся в трещины кожи, под ногти, в линии судьбы, которых он никогда не разбирал. Кровь смешалась, стала одним целым, как и всё в этом мире.

Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

23.

Через час Макс подошёл к пещере снова. Останков не было — только грязь и высохшая кровь на стенах, на полу, на камнях. Запах железа всё ещё витал в воздухе, но он стал слабее — система переработала всё, что можно было переработать.

Макс прошёлся по пещере, проверяя углы. В дальнем конце, за большим камнем, он увидел свёрток. Тряпки. Старые, грязные, завязанные узлом.

Он подошёл, нагнулся, развязал узел.

Внутри был ребёнок.

Младенец. Месяцев восемь, не больше. Худой, бледный, с тёмными волосами и закрытыми глазами. Он не плакал.

Не дышал? Нет — дышал. Еле-еле, прерывисто, но дышал. Его слот — один, серый, пустой — пульсировал слабо, едва заметно, как сердце умирающего.

Макс замер.

Он не заметил его. Когда считал тела — семь, — он не заметил восьмого. Когда вещи пожирали трупы — они не нашли его. Слишком маленький. Слишком тихий. Слишком слабый. Система не зафиксировала его пульсацию — она была слишком слабой, чтобы её уловить.

Ребёнок не просил помощи. Не понимал, что происходит. Он просто лежал и ждал. Ждал, когда кто-то придёт. Ждал, когда всё закончится. Ждал, когда умрёт.

Макс сжимал в руке кинжал. Тот был горячим — требовал. Кровь. Сытость. Ещё один процент.

«Сытость инвентаря: 54% → 55%»

Он мог убить ребёнка. Легко. Один удар. Быстро, чисто, почти без крови. Ещё один процент. Ещё один шаг к сытости. Ещё одна жизнь — просто цифра в счётчике.

Макс смотрел на ребёнка. На его бледное лицо. На его за-

крытые глаза. На его губы — сухие, потрескавшиеся, но живые.

Внутри него, в том месте, где раньше была пустота, что-то шевельнулось. Не жалость — что-то другое. Воспоминание. Лиса. Такая же маленькая. Такая же испуганная. Она тоже просила: «Не убивай». И он не убил. Он спас её. Нёс на плечах два километра. Назвал Лисой.

Он убрал кинжал в слот. Кинжал обиженно затих — не получил своего.

Макс поднял ребёнка, закутал в свою куртку (старую, рваную, но тёплую) и вышел из пещеры.

24.

На свету он рассмотрел ребёнка подробнее. Мальчик. Худой, как щепка, с тёмными волосами и синими губами. Его глаза всё ещё были закрыты — он спал. Или был без сознания. Или просто не хотел открывать глаза.

Мира подошла, посмотрела на ребёнка. Её лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, но в глазах — что-то новое. Не удивление — понимание.

— Ты не убил его, — сказала она. Не спросила — констатировала.

— Нет, — ответил Макс.

— Почему?

— Не знаю, — ответил он, и это было правдой. — Кинжал требовал. Слоты требовали. Система требовала. Но я... не мог. Не сегодня.

— Потому что он — ребёнок? — спросила Мира.

— Потому что он — не еда, — ответил Макс. — Не сегодня.

Мира взяла ребёнка на руки, прижала к груди. Ребёнок зашевелился, открыл глаза — мутные, ничего не видящие — и заплакал. Тихо, слабо, как котёнок, который замерзает на снегу.

— Он голоден, — сказала Мира. — Ты убил всех, кто мог его кормить. Он умрёт без молока.

— Не умрёт, — сказала Мира. — Мы найдём ему еду. Козье молоко. Или коровье. Или... или что-нибудь. Мы не

дадим ему умереть.

Макс смотрел на неё, и внутри него, в том месте, где раньше была пустота, появилось что-то новое. Не надежда — слабая искра. Тлеющая, почти мёртвая, но всё ещё живая.

— Ты странная, — сказал он. — Ты видела, как я убиваю детей. И ты просишь меня спасти этого.

— Ты убил чужих детей, — ответила Мира. — А этого — спас. Разница есть.

— Какая?

— Ты не знаешь, — ответила Мира. — Но я знаю. И ты узнаешь. Когда-нибудь.

25.

Они вернулись в лагерь — в тот самый овраг, где прятались последние несколько дней. Костер прогорел почти полностью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры. Дети спали — убаюканные усталостью и отсутствием еды. Женщины сидели у стен, прижавшись друг к другу.

Макс сел у костра, прислонился спиной к холодной стене,

закрыв глаза. Голоса в голове были тихими — не требовали, не кричали, не спорили. Кинжал обижался, но молчал. Старый меч спал. «Кукла» была спокойна. Хищные латы шипели, но тоже затихали.

Мира села рядом, положила голову на его плечо. Ребёнка она уложила на старые тряпки рядом с собой. Он спал — теперь спокойно. Или просто устал плакать.

— Ты убил семерых, — сказала Мира. — Твоя сытость — 54%. Автофаг спит неделю. Вещи сыты. Ты выиграл неделю. Ценой семи жизней.

— Я знаю, — ответил Макс.

— Ты чувствуешь вину?

— Нет, — ответил он, и это было правдой. — Я чувствую пустоту. Там, где раньше была жалость. Или страх. Или совесть. Я не знаю. Я не чувствую ничего.

— Это пройдёт, — сказала Мира.

— Нет, — ответил Макс. — Это останется. Как шрам. Как память. Я не хочу, чтобы это проходило. Я хочу помнить. Чтобы знать, кто я. И кем стал.

Он открыл глаза. В правом углу пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, четыре активных, девяносто пять заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт.

Сытость: 54%

Автофаг: приостановлен на 168 часов

Урон здоровья: 74%

Риск психотической перегрузки: 60%

Он закрыл интерфейс, провёл рукой по лицу. Кровь засохла, превратившись в корку, которая трескалась при каждом движении. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

— Запомните, — сказал он, обращаясь к тем, кто остался. — Это — цена. Не моя. Ваша. Я плачу за вас своей душой. Своим оружием. Своей кровью. Чтобы вы могли жить.

Мира смотрела на него, и в её глазах было что-то новое. Не страх — понимание.

— Ты стал другим, — сказала она. — Раньше ты боялся

убивать. Теперь ты кормишь вещи людьми. Это... это переход. Через черту.

— Через черту переходят один раз, — ответил Макс. — Потом уже не оглядываются.

Он закрыл глаза. Сны не пришли — только тишина. И голоса, которые стали тише, но не исчезли.

Они ждали. Всегда ждали.

— — Часть 6. Ночь новой сытости

26.

Ночью Макс не спал. Сидел у костра, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на огонь. Пламя было жёлтым, живым, пахло дымом и смолой. Оно не пульсировало, как деревья, и не шептало, как камни. Оно просто горело. И это было хорошо.

Мира спала рядом, прислонившись к его плечу. Денис охранял вход. Тень лежал в углу, укрытый рваной курткой. Лиса спала между матерью и Максом, и её рыжие волосы разметались по земле, как языки пламени. Ребёнок — которого они называли «Восьмой», потому что никто не знал его имени, — спал на тряпках у костра, укутанный в старую толстовку.

Макс смотрел на огонь и думал.

Он думал о семи убитых. О мужчине, который просил пощады. О женщине, которая благодарила. О мальчике, который смотрел на него, не понимая. О девочке, которая шептала: «Я хорошая». О детях, которые умерли, даже не поняв, что происходит.

Он пытался вызвать в себе жалость, страх, отвращение — ничего. Только пустота. Только холод. И счётчик сытости, который показывал 54%.

Кинжал в слоте был тёплым — сытым, довольным. Старый меч — тоже тёплым, но спокойным. «Кукла» — холодной, но не ледяной. Она насытилась, но не расслабилась.

Макс достал кинжал из слота, положил на колени. Лезвие блестело в свете углей — острое, живое, голодное. Красные прожилки пульсировали — слабо, едва заметно. Кинжал спал — переваривал сегодняшнюю кровь.

— Ты доволен? — спросил Макс мысленно.

«Да, хозяин, — ответил кинжал, и его голос был тихим, почти ласковым. — Ты хорошо накормил нас. Живой кровью. Настоящей. Не падалью. Спасибо».

— Я не хочу благодарности, — ответил Макс. — Я хочу, чтобы ты защищал их. Детей. Миру. Дениса. Тень. Лису. Восьмого. Если кто-то нападёт на них — ты должен убить. Быстро. Без жалости.

«Я убью, — сказал кинжал. — Это моя природа. Но ты

должен помнить: каждая капля крови — это сделка. Ты даёшь мне кровь — я даю тебе защиту. Ты даёшь мне мало — я даю тебе мало. Ты даёшь мне много — я даю тебе силу. Сегодня ты дал мне достаточно. Я не забуду».

Макс убрал кинжал в слот. Тот не сопротивлялся — он был слишком сыт, чтобы спорить.

27.

Он достал старый меч, положил на колени. Тот был тёплым — не горячим, не холодным, а именно тёплым, как живое тело. Лезвие блестело — тускло, но живо. Зелёный налёт почти исчез, осталась только тонкая полоска у гарды, похожая на шрам.

— Ты не заговоришь никогда, — сказал Макс мечу. — Я знаю. Ты — не артефакт. Ты — инструмент. Но инструменты тоже могут быть верными. Если их не забывать.

Меч не ответил. Но его тепло стало чуть сильнее — на градус, не больше.

Макс убрал меч в слот, закрыл глаза.

В голове было пусто — не спокойно, именно пусто, как в

комнате, из которой вынесли всю мебель. Голоса вещей затихали — сытые, довольные, пьяные. Кинжал мурлыкал. Старый меч спал. «Кукла» успокоилась. Хищные латы обиженно шипели, но тоже затихали.

Только холод в правом боку — ровный, спокойный. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать.

28.

Под утро Макс проснулся от того, что кто-то смотрел на него.

Не Мира — она спала, прислонившись к его плечу. Не Денис — он сидел у входа, сжимая нож, и его слот пульсировал ровно, спокойно. Не дети — они жались к матерям.

Кто-то стоял у входа в овраг. В сером свете, пульсирующем, как живое сердце. Силуэт был знакомым — высокий, худой, в чёрном плаще. Лица не было видно — только капюшон и две красные точки вместо глаз. Тот самый силуэт, который он видел на краю леса. Тот, кто наблюдал.

Он стоял и смотрел на Макса. Не приближался. Не уходил. Просто смотрел.

Макс вскочил, выхватил кинжал. Тот был горячим — почти обжигающим. «Заводная кукла» зашевелилась — хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке. Пластины-позвонки раскрылись, выпуская иглы.

— Кто ты? — спросил Макс, шагнув вперёд.

Силуэт не ответил. Он стоял, смотрел, и его красные точки пульсировали — в такт сердцу Макса. Или в такт чему-то другому, чему-то, чего он не знал.

Потом силуэт шагнул назад — в серый свет, в пульсирующую тьму, — и исчез. Растворился между стволами, как будто его никогда и не было.

Холод в правом боку стих. Кинжал перестал требовать крови. Он не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать.

Макс стоял у входа, сжимая в руке кинжал, и смотрел в серый лес.

— Кто это был? — спросила Мира, подходя сзади. Она не спала — она ждала. Всегда ждала.

— Не знаю, — ответил Макс. — Но он наблюдал. Всё это время. За мной. За нами. За тем, как я убивал. Он видел всё.

— И не вмешался, — сказала Мира.

— Потому что не хотел, — ответил Макс. — Или потому что не мог. Или потому что ждал.

— Чего?

— Не знаю, — ответил Макс. — Но я узнаю. Скоро.

Он вернулся к костру, сел на землю. Мира села рядом, положила голову на его плечо. Они сидели молча, глядя на огонь, и ждали рассвета.

— — Часть 7. Утро новой недели

29.

Макс проснулся от холода. Не от того, который пробирает до костей на сыром ветру. Не от того, который сковывает пальцы после долгой неподвижности. Другой холод. Глубокий, внутренний, как будто кто-то опустил ледяную иглу в правый бок — туда, где в сетке 10 на 10 пульсировал слот с кинжалом.

Он открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Костер прогорел почти полностью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры. Дети спали — убаюканные усталостью и отсутствием еды. Женщины — тоже. Только Мира не спала. Она сидела у входа, сжимая нож, и её три слота пульсировали ровно, спокойно.

Холод в правом боку пульсировал — ровно, спокойно. Кинжал не чувствовал угрозы.

Макс сел, потянулся, хрустнув позвонками. «Заводная

кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, выпуская воздух, потом сжались снова. Хвосты слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки.

Он открыл интерфейс.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 54%

Автофаг: приостановлен на 167 часов

Урон здоровья: 74%

Риск психотической перегрузки: 60%

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 55% эффективности)

Пятьдесят четыре процента. Сто шестьдесят семь часов.

Неделя.

Макс закрыл интерфейс, провёл рукой по лицу. Кровь застыла, превратившись в корку, которая трескалась при каж-

дом движения. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

— Ты выиграл неделю, — сказала Мира, не оборачиваясь.
— Что будешь делать?

— Готовиться, — ответил Макс. — К вожаку. К следующему наёмнику. К тому, кто наблюдает. К тому, кто ждёт.

— А дети? — спросила Мира. — Восьмой? Лиса? Они не переживут ещё одну неделю без нормальной еды.

— Переживут, — ответил Макс. — Мы найдём молоко. Мы найдём еду. Мы найдём убежище. У нас есть неделя. Неделя — это много.

— Или мало, — сказала Мира.

— Или мало, — согласился Макс.

Он поднялся, подошёл к выходу, прильнул к щели между камнями. Лес был пуст. Серый, пульсирующий, с деревьями, которые стояли слишком прямо. Но вдалеке, на краю поляны, он снова увидел силуэт. Тот же. Высокий, худой, в чёрном плаще. Две красные точки вместо глаз.

Он стоял и смотрел. Не приближался. Не уходил. Просто

смотрел.

Макс сжал кинжал. Тот был горячим — он чувствовал кровь.

— Я знаю, что ты там, — сказал он вслух. — Я знаю, что ты наблюдаешь. Я не знаю, кто ты и что тебе нужно. Но я узнаю. Скоро.

Силуэт не ответил. Он стоял, смотрел, и его красные точки пульсировали — в такт сердцу Макса.

Потом он шагнул назад, в серый свет, и исчез.

Макс стоял, сжимая кинжал, и смотрел в пустой лес.

В правом углу его глаза пульсировала сетка 10 на 10 — сто слотов, четыре активных, девяносто пять заблокированных, одна мёртвая. Бесконечный предел. Проклятый овердрафт.

И неделя сытости, которую он купил ценой семи жизней.

Он выиграл время.

Но зачем — он ещё не знал.

Системные итоги главы 4

Параметр	До главы	После главы
----------	----------	-------------

Активные слоты	4	4
----------------	---	---

Заблокировано	95	95
---------------	----	----

Аннигилировано	1	1
----------------	---	---

Сытость	11%	54%
---------	-----	-----

Автофаг	6 часов	168 часов (7 дней)
---------	---------	--------------------

Урон здоровья	74%	74% (без изменений)
---------------	-----	---------------------

Риск психотической перегрузки	48%	60%
-------------------------------	-----	-----

Кинжал (структурная целостность)	64%	78%
----------------------------------	-----	-----

Старый меч (острота/прочность/разложение)		
---	--	--

55%/60%/20%	70%/75%/5%	
-------------	------------	--

Убито беженцев	0	7
----------------	---	---

Спасён (младенец)	0	1
-------------------	---	---

Плашка в конце главы

«Архитектор строит не из камня — из трупов. Сегодня Макс нашёл гнездо беженцев. Раненых. Беззащитных. Тех, кто не просил помощи. Он убил всех за три минуты. Не в бою — в расчёте. Его инвентарь сыт на неделю. Впервые за дол-

гое время голосам нечего требовать. Но цена этой сытости — семь жизней. Две из них — детские. Макс не отвернулся. Он смотрел им в глаза. И не почувствовал ничего. Только пустоту. И холод. И кинжал, который мурлыкал, как сытый кот. Это — победа? Или начало конца? Он не знает. Он знает только, что завтра они пойдут дальше. Потому что идти некуда — но и стоять незачем».

Глава 5. Первая сая

Часть 1. Утро, которое не принесло тишины

1.

Макс проснулся от того, что его собственная голова перестала быть его.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком, прижавшись спиной к шершавой стене оврага. Поза была привычной — он спал так уже много дней. Но сегодня утром было что-то новое. Не боль. Не холод. Не требование. Пустота.

Не та пустота, которая приходит после ампутации слота. Другая. Тягучая, вязкая, как старая смола на стволе сосны. Она заполняла череп изнутри, давила на глаза, на уши, на язык. Он чувствовал её вкус — железо и пепел. Он слышал её звук — тихий, непрерывный гул, как от работающего где-то далеко генератора.

Он открыл глаза.

Серый свет пробивался сквозь щели в камнях, рисуя на земле причудливые узоры. Костер прогорел почти полно-

стью, только угли тлели в центре, выбрасывая редкие искры. Овраг, в котором они укрылись последние несколько дней, пах дымом, железом и чем-то сладковато-приторным — запахом крови, которая въелась в землю и не выветривалась.

Вокруг, на земле, укрытые рваными тряпками и старой одеждой, спали те, кто остался.

Мира — у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному камню. Её три слота пульсировали ровно — она контролировала дыхание даже во сне. На правом плече — свежая повязка. Рана затягивалась, но розовый рубец ещё болел.

Денис сидел у входа в овраг, сжимая в руке нож. Его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он забыл имя дочери. Сегодня он, наверное, забудет её лицо.

Тень лежал в углу, укрытый рваной курткой. Его единственный слот пульсировал слабо, едва заметно. Он был жив. Но насколько — никто не знал.

Лиса — рыжая девочка, которую он нёс на плечах после атаки гнилого пса, — спала между матерью и костром. Её лицо было бледным, но спокойным.

И Восьмой — младенец, которого он нашёл в пещере среди семи трупов, — лежал на старых тряпках у костра. Он не плакал. Он спал.

Макс пересчитал их. Пятеро взрослых (считая его) и двое детей. Восемь человек в отряде — из них только трое могли держать оружие: он, Мира и Денис. Тень был ранен. Мать Лисы боялась даже ножа. А Рвань... Рвань был новичком, и Макс не доверял ему.

Он сел, опираясь на здоровую руку. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, впуская воздух, потом сжались снова. Хвосты, торчащие из-за спины, слабо вибрировали — не от угрозы, от привычки. Она сканировала пространство, выискивая красные пятна.

Красных пятен не было. Только серые, только мёртвые, только свои.

1.

Макс открыл интерфейс. Сетка 10 на 10 пульсировала ровно, спокойно, безразлично.

аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 54%

Автофаг: приостановлен на 164 часа

Урон здоровья: 74%

Риск психотической перегрузки: 60%

Статус голосов: подавлены (режим «Звериный такт» — 55% эффективности)

Пятьдесят четыре процента. Сто шестьдесят четыре часа.

Неделя.

Он должен был чувствовать облегчение. Впервые за долгое время его слоты не кричали от голода. Кинжал не требовал крови. Старый меч не гнил. «Кукла» не шептала о сытости. Они были сыты — все, кроме хищных лат, которые вечно хотели живую боль.

Но Макс не чувствовал облегчения. Он чувствовал пустоту. Ту самую, которая заполнила его череп и теперь растекалась по телу, как холодная вода.

Он знал, что это. Это была не усталость. Не апатия. Это было... привыкание.

Он привык к голоду. К постоянному требованию. К шёпота слотов, который никогда не замолкал. А теперь, когда они замолчали, он не знал, что делать с собой. Как будто кто-то выключил радио, которое орало несколько месяцев подряд, и в комнате наступила неестественная, почти болезненная тишина.

Макс провёл рукой по лицу. Кровь засохла, превратившись в корку, которая трескалась при каждом движении. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

Вчера он убил семерых. Трёх мужчин, двух женщин, двоих детей. Он убил их не в бою — в расчёте. Он стоял над ними и смотрел, как кинжал входит в плоть. Смотрел, как кровь заливает землю. Смотрел, как вещи пожирают тела.

И не почувнил ничего.

Только холод. Только пустоту. И тихий, равнодушный голос системы: «Сытость: 54%».

Он не знал, должен ли был чувствовать вину. Он не знал, должен ли был раскаиваться. Он не знал, должен ли был плакать. Он не знал даже, хочет ли он этого.

Он просто сидел и смотрел на огонь. И ждал.

1.

Мира не спала. Она смотрела на него, пристально, изучающе, как смотрят на человека, который только что вернулся с того света.

— Ты не спал, — сказала она тихо, чтобы не разбудить детей. — Всю ночь. Не ворочался — просто лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Я думала, ты умер.

— Я думал тоже, — ответил Макс, и голос его был хриплым, сломанным, как у человека, который долго кричал или долго молчал. — Но я жив. Пока.

— Твои слоты молчат, — сказала Мира. — Я не слышу их пульсации. Даже отсюда. Они спят?

— Они сыты, — ответил Макс. — Это разные вещи.

Он поднялся, потянулся, хрустнув позвонками. «Заводная кукла» зашевелилась — пластины-позвонки раскрылись, впуская воздух, потом сжались снова. Хвосты слабо вибрировали. Она была спокойна. Сыта. Довольна.

— Нам нужно поговорить, — сказал Макс, поворачиваясь

к Мире. — О том, что будет дальше.

— Что будет дальше? — переспросила Мира. — У нас есть неделя сытости. Неделя, когда ты можешь не убивать. Неделя, когда мы можем просто... быть.

— Неделя, когда мы можем подготовиться, — поправил Макс. — К вожаку. К следующему наёмнику. К тому, кто наблюдает. К тому, кто ждёт.

Он кивнул в сторону леса, туда, где на краю поляны вчера стоял силуэт в чёрном плаще. Сейчас его не было, но Макс знал — он вернётся. Он всегда возвращался.

Мира помолчала. Потом спросила:

— Что ты предлагаешь?

— Мне нужны люди, — ответил Макс. — Не беженцы. Не раненые. Не те, кто боится своей тени. Мне нужны те, кто умеет убивать. Те, кто не боится крови. Те, кто не остановится перед ударом.

— Ты хочешь собрать стаю, — сказала Мира, и её голос дрогнул. — Не гильдию. Не отряд. Стаю. Тех, кто убивает всех подряд.

— Да, — ответил Макс. — Потому что если я не соберу их, они соберутся против меня. Костоломы. Наёмники. Тот, кто наблюдает. Они все придут. Не сегодня, не завтра, но придут. А я... я не могу защищать вас один. У меня есть кинжал, есть меч, есть «Кукла». Но у меня нет рук. Нет глаз. Нет спин, которые прикроют меня, когда я буду смотреть вперёд.

Мира смотрела на него долго, тяжело. Потом покачала головой.

— Ты хочешь собрать отморозков, — сказала она. — Тех, кто убивает ради удовольствия. Тех, кто не знает жалости. Тех, кто предаст тебя при первой слабости.

— Лучше они будут рядом, чем за спиной, — ответил Макс. — Лучше я знаю, где они, чем гадаю, откуда придёт удар.

— Ты не сможешь их контролировать, — сказала Мира.

— Смогу, — ответил Макс. — Голодом. Страхом. Сытостью. Они будут знать: если они подчиняются — они едят. Если нет — они умрут. Или станут едой.

Мира молчала. Она знала — он прав. Но знать и принять

— разные вещи.

— А дети? — спросила она. — Лиса? Восьмой? Они останутся здесь?

— Они останутся, — ответил Макс. — Денис и Тень будут охранять их. Ты — со мной. Ты — мой наблюдатель. Ты будешь смотреть и записывать. Чтобы после моей смерти кто-то узнал, как это было.

— Не говори о смерти, — сказала Мира. — Мы все умрём. Но не сегодня.

— Не сегодня, — согласился Макс.

Он повернулся к выходу. Лес встретил его серым светом, пульсирующей корой и запахом железа.

— Мы идём, — сказал он. — На юго-восток. Там, где прячутся те, кого выгнали Костоломы. Те, кто слишком жесток даже для них. Те, кто станет моей стаей.

Часть 2. Дорога к отбросам

1.

Они шли через архитектурный лес уже второй час. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Воздух был плотным, тяжёлым, как перед грозой.

Макс шёл впереди, сжимая в руке кинжал. Тот был холодным — не ледяным, а именно холодным, как утренний воздух. Он не требовал крови. Он просто был.

Мира шла за ним, сжимая нож. Её три слота пульсировали ровно, но тревожно. Она не верила в то, что они делают. Но она не спорила.

Рвань замыкал. Его единственный слот пульсировал ровно, спокойно — впервые за долгое время. Он был новичком, но он уже понял: этот человек — не спаситель. Этот человек — вожак. И если он хочет выжить, он должен подчиняться.

— Ты знаешь этих людей? — спросил Макс, не оборачиваясь.

— Я слышал о них, — ответил Рвань, и голос его был слабым, прерывистым. — Они были Костоломами. Их выгнали. За жестокость. Сказали, что они слишком безумны даже для клана. Что они убивают не ради сытости — ради удовольствия.

— Имя?

— Их звали... неважно. Они забыли свои имена. Или слоты съели. Сейчас их называют Гниль, Шило и Скоба. Гниль — худой, нервный. Он любит бить лежачих. Шило — низкий, коренастый. Он молчаливый, но бросается в драку без команды. Скоба — крупный, медленный. Он умственно ограничен. Он делает то, что ему скажут. Если его припугнуть.

— Гниль, Шило, Скоба, — повторил Макс. — Хорошие имена. Ненадолго.

— А четвёртый? — спросила Мира. — Ты сказал «четверо». Кто четвёртый?

— Я, — ответил Рвань, и в его голосе появилась сталь. — Я тоже был Костоломом. Меня выгнали не за жестокость — за слабость. Но я умею убивать. Я научусь снова.

Макс не ответил. Он шёл дальше.

1.

Они нашли их у старого разбитого капкана.

Капкан был огромным — когда-то он мог убить медведя или даже монстра. Сейчас он лежал на боку, ржавый, прожавевший насквозь, с зазубренными краями. Вокруг него — кости. Много костей. Звериных и человеческих. Капкан был мёртв, как и всё, что переставало быть частью системы.

Трое сидели на костях.

Гниль был худым, как щепка, с длинными руками и короткими ногами. Его лицо было изрезано мелкими шрамами — не от боевых ран, от самоповреждений. Он постоянно чесался, дёргался, оглядывался по сторонам. В правом углу его глаза пульсировали два слота — серые, пустые, но пульсирующие. Голодные. Требовательные.

Шило был низким, плотным, с широкими плечами и короткими ногами. Он сидел на корточках, сжимая в руке ржавый тесак, и молча смотрел на Макса. В его глазах не было страха — была оценка. «Добыча? Или хищник?» У него был один слот — серый, пустой, пульсирующий ровно, спокойно.

Скоба был огромным. Два метра ростом, с плечами, которые едва помещались в проёме между деревьями. Он сидел, прислонившись спиной к стволу старой сосны, и его глаза были пустыми — не серыми, не красными, а именно пустыми, как у куклы, у которой вынули душу. У него было три слота — все серые, пустые, пульсирующие слабо, едва заметно. Он был умственно ограничен. Но он был силён.

Они не поднялись, когда Макс подошёл. Не обернулись. Не заговорили. Они просто сидели и смотрели.

— Ты — аномалия, — сказал Гниль, и его голос был высоким, тонким, как комариный писк. — Сто слотов. Четыре активных. Одна мёртвая. Ты убил Глиста. Ты убил «Голодного кармана». Ты вырезал гнездо беженцев в пещере. Мы слышали. Мы знаем. Зачем ты пришёл?

— Мне нужны люди, — ответил Макс. — Не беженцы. Не раненые. Не те, кто боится своей тени. Мне нужны те, кто умеет убивать. Те, кто не боится крови. Те, кто не остановится перед ударом.

— Мы умеем убивать, — сказал Шило, и его голос был низким, хриплым, как у человека, который долго молчал. — Но мы не работаем бесплатно. Какая плата?

— Еда, — ответил Макс. — Сытость. Мясо. Вы будете есть, когда будете подчиняться. Если нет — вы умрёте. Или станете едой.

Шило усмехнулся — криво, беззлобно, как у человека, который слышал это уже много раз.

— Ты предлагаешь нам быть твоими собаками? — спросил он.

— Я предлагаю вам быть стаей, — ответил Макс. — Никакой дружбы. Никаких клятв. Никаких «гильдийных правил». Просто удобство: вместе загонять жертв, делить мясо для сытости. Вы слушаете меня — вы едите. Вы предаёте — вы умираете.

Гниль засмеялся — высоко, истерично, как человек, который давно не спал.

— А если мы убьём тебя и возьмём твои слоты? — спросил он. — Сто слотов — это много сытости.

— Попробуйте, — ответил Макс, и в его голосе появилась сталь.

Он вытащил кинжал из слота. Тот был горячим — почти обжигающим. «Заводная кукла» зашевелилась — хвосты пришли в движение, зашипели, как змеи, готовые к атаке. Пластины-позвонки раскрылись, выпуская иглы.

— Я не буду убивать вас сейчас, — сказал Макс. — Я про-
верю вас. В драке. Не насмерть — до первой крови. Если вы
продержитесь минуту — я возьму вас в стаю. Если нет — вы
умрёте. Или станете едой.

Шило поднялся. Его тесак блестел в сером свете — ржа-
вый, зазубренный, но острый.

— Я первый, — сказал он и бросился на Макса.

1.

Шило был быстрее, чем казался.

Его тесак нёсся к шее Макса — не горизонтально, не вер-
тикально, а по диагонали, снизу вверх, целя в артерию. Макс
не успел уклониться — он подставил кинжал.

Лязг металла разнёсся по поляне, как колокольный звон.
Кинжал не выдержал — лезвие треснуло, но не сломалось.
Красные прожилки на металле вспыхнули, и кинжал завиз-

жал — не голосом, металлом. Он был зол.

Макс отшатнулся, уходя от следующего удара. Шило был агрессивным, быстрым, но неопытным. Он рубил тесаком, как топором, не думая о защите. Его удары сыпались градом — справа, слева, сверху. Макс едва успевал блокировать — кинжал двигался сам, рефлекторно, подстраиваясь под каждую атаку.

Холод в правом боку пульсировал — быстро, хаотично. Кинжал не просто чувствовал угрозу — он предугадывал её. Каждый удар Шило был предсказан за долю секунды до того, как тесак начинал движение. Макс не понимал, как это работает. Он просто доверял.

«Слева», — сказал холод. Макс поднял кинжал — и блокировал удар, который пришёлся бы ему в бок.

«Сверху», — сказал холод. Макс отшатнулся — и тесак просвистел в сантиметре от его лица.

«Сейчас», — сказал холод. Макс шагнул вперёд и вонзил кинжал в плечо Шило.

Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом. Шило взвыл — от боли, от ярости, от унижения. Его тесак вы-

пал из руки, и он упал на колени, сжимая рану.

— Минута не прошла, — сказал Макс, вытирая кинжал о его же рубаху. — Ты жив. Это твой второй шанс. Не трать его.

Шило смотрел на него снизу вверх, и в его глазах была не ненависть — уважение. Такое же, как у Рвани. Такое же, как у всех, кого Макс побеждал не силой — расчётом.

— Я в стае, — прошептал он, и его голос был слабым, прерывистым, как дыхание умирающего.

— В стае, — подтвердил Макс.

1.

Скоба поднялся, когда Макс повернулся к нему.

Он был огромным — два метра ростом, с плечами, которые заслоняли серый свет. Его глаза были пустыми, но в их глубине, в этой пустоте, пульсировало что-то — не страх, не злоба, а что-то среднее. Он не понимал, что происходит. Но он знал, что этот человек в чёрной броне — опасен.

Макс не стал проверять Скобу в драке. Он подошёл к нему

вплотную, заглянул в пустые глаза и сказал:

— Ты будешь слушаться меня. Я дам тебе еду. Я дам тебе защиту. Я дам тебе цель. Если ты подчинишься — ты будешь есть. Если нет — ты умрёшь. Или станешь едой. Понял?

Скоба смотрел на него долго, тяжело. Потом кивнул — медленно, неуклюже, как ребёнок, который только учится понимать слова.

— Понял, — сказал он, и его голос был низким, густым, как патока.

— Хорошо, — сказал Макс. — Ты в стае.

1.

Гниль не стал драться. Он видел, как Макс победил Шило. Он видел, как Скоба подчинился. Он знал, что этот человек не блефует.

— Я в стае, — сказал он, и его голос был высоким, тонким, как комариный писк. — Но у меня есть условие.

— Какое? — спросил Макс.

— Я не буду драться в первой линии. Я — загонщик. Я загоняю жертв в ловушку, а вы добиваете. Это моя работа. Я не воин — я пастух.

— Хорошо, — сказал Макс. — Ты — загонщик. Но если ты предашь — ты умрёшь. Или станешь едой.

— Я не предам, — сказал Гниль, и в его глазах мелькнуло что-то — не страх, не надежда, а что-то среднее. — Я умею ждать.

Макс не ответил. Он повернулся к четвёрке — к Рвани, Гнили, Шило, Скобе. Они смотрели на него — кто с надеждой, кто со страхом, кто с уважением. Их слоты пульсировали в разном ритме, но в этом ритме, в этом хаосе, он чувствовал что-то общее. Голод. Не физический — душевный.

— Вы — стоя, — сказал он. — Никакой дружбы. Никаких клятв. Три правила: не нападать друг на друга, не убегать с добычей, если кто-то предаст — остальные имеют право убить его без суда. Вы поняли?

Гниль засмеялся — высоко, истерично, как человек, который давно не спал.

— Ты думаешь, эти правила работают? — спросил он. —

Мы — отморозки. Мы убиваем всех подряд. Мы предадим тебя при первой слабости.

— Знаю, — ответил Макс. — Поэтому я не буду слабым.

Он повернулся и пошёл обратно к оврагу. Четверо пошли за ним. Молча. Как стоя.

Часть 3. Первая охота

1.

Они вернулись в лагерь через час. Денис встретил их у входа, сжимая нож, и его слот — единственный, пустой и серый — пульсировал тревожно, почти красным. Он не доверял чужакам. Он не доверял никому.

— Кто это? — спросил он, кивнув на четвёрку.

— Стая, — ответил Макс. — Они будут охотиться с нами. Они будут слушаться меня. Если нет — они умрут. Или станут едой.

Денис смотрел на него долго, тяжело. Потом кивнул — коротко, по-мужски, без лишних слов.

— Хорошо, — сказал он и отошёл в сторону.

Мира сидела у костра, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрела на четвёрку. Её три слота пульсировали тревожно, почти красным. Она не верила в эту затею. Но она не спорила.

— Они будут спать у входа, — сказал Макс. — Отдельно от детей. Отдельно от женщин. Если кто-то из них подойдёт к Лис или к Восьмому — убейте. Без предупреждения.

— Понял, — сказал Денис.

— Поняла, — сказала Мира.

Макс сел у костра, прислонился спиной к холодной стене, закрыл глаза. Голоса в голове были тихими — не требовали, не кричали, не спорили. Кинжал обижался на вчерашнюю драку, но молчал. Старый меч спал. «Кукла» была спокойна. Хищные латы шипели, но тоже затихали.

Он открыл интерфейс.

Инвентарь: 4 активных / 95 заблокировано / 1 аннигилирован / ∞ предел

Сытость: 54%

Автофаг: приостановлен на 163 часа

Урон здоровья: 74%

Риск психотической перегрузки: 60%

Четыре новых лица. Четыре новых проблемы. Четыре потенциальных ножа в спину.

Он закрыл интерфейс, провёл рукой по лицу. Кровь застыла, превратившись в корку, которая трескалась при каждом движении. Он не смыл её. Он не вытер. Он оставил.

1.

Первую охоту назначили на полдень.

Макс не хотел ждать. Сытость 54% — это терпимо, но не вечно. Автофаг спал шесть дней, но стаю нужно было кормить. Четверо отморозков были голодны. Их слоты пульсировали тревожно — не красным, но и не серым. Они были на грани.

«Заводная кукла» сканировала лес. Её сенсоры проверяли радиус в пятьдесят метров, выискивая красные пятна.

«Три красных пятна, — сказала она мысленно, и её голос был низким, рычащим, как у зверя, который не привык ждать. — Два пса. Гнилые. Один — раненый монстр. „Плещущийся“. Два слота. Медленный, но опасный. Его слюна разъедает броню».

— Где? — спросил Макс.

«В двух километрах к юго-востоку. Псы — в старом овра-

ге. Плетущийся — в полукилометре от них, у болота».

Макс повернулся к стае. Четверо стояли у входа, сжимая оружие. Гниль — нож. Шило — тесак. Скоба — дубину, вырезанную из корня. Рвань — его каменный нож.

— Псы — ваша добыча, — сказал Макс. — Вы загоняете их в старый овраг. Я и Мира добиваем. Плетущийся — наш общий. Проверка на взаимовыручку. Если кто-то убежит — я убью его. Не плетущийся — я. Поняли?

Гниль засмеялся — высоко, истерично, как человек, который давно не спал.

— А если мы все убежим? — спросил он.

— Тогда вы умрёте, — ответил Макс. — Или станете едой.

Гниль перестал смеяться. Он понял — не блефует.

1.

Они вышли через полчаса. Макс шёл впереди, сжимая в руке кинжал. Мира — за ним, с ножом. Рвань замыкал, Гниль и Шило — по бокам, Скоба — в центре.

Лес встретил их серым светом, пульсирующей корой и запахом железа. Деревья стояли слишком прямо, ветви расходились под одинаковыми углами, жгуты на стволах вращались медленно, как черви. Воздух был плотным, тяжёлым, как перед грозой.

Макс шёл и чувствовал, как холод в правом боку пульсирует — ровно, спокойно. Кинжал не чувствовал угрозы. Или чувствовал, но не считал нужным предупреждать.

Они нашли псов у старого оврага.

Два гнилых пса — с облезлой шерстью и жёлтыми глазами, горящими голодом. Они не спали — они ждали. Чувствовали добычу. Чувствовали стаю. Но не убегали.

— Загоняйте, — сказал Макс, кивнув Гнили.

Гниль шагнул вперёд, засвистел — высоко, пронзительно, как хищная птица. Псы подняли головы, зарычали. Гниль бросил камень — попал в морду первому псу. Тот взвизгнул, отскочил, но не убежал. Гниль бросил ещё камень — попал во второго. Тот зарычал громче, оскалился.

— Бегите, твари! — закричал Гниль, и его голос был высоким, истеричным, как у человека, который давно не спал.

Псы побежали. Прямо в овраг — в тупик, где не было выхода.

1.

Макс и Мира ждали в овраге.

Они стояли у входа — Макс справа, Мира слева — и сжимали оружие. Псы влетели в овраг, споткнулись о корни, забились в агонии, пытаясь развернуться.

Макс ударил первым. Кинжал вонзился в шею первого пса — глубоко, до хруста. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом. Пёс захрипел, упал, забился.

Мира добила второго. Её нож вошёл в глазницу — быстро, чисто, почти без крови. Пёс замер.

Системное сообщение всплыло перед глазами:

«Зафиксировано убийство (гнилой пёс, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 54% → 56%»

«Зафиксировано убийство (гнилой пёс, ценность: низкая). Сытость инвентаря: 56% → 58%»

Макс вытер кинжал о шерсть мёртвого пса и повернулся к стае. Четверо стояли у входа в овраг, смотрели на тела, и их слоты пульсировали — быстро, требовательно. Они были голодны.

— Ваша доля, — сказал Макс, кивнув на туши. — Ешьте. Но не всё. Плетущийся — наш общий. Вы должны быть голодными, но не слабыми.

Гниль бросился к псам первым. Он вонзил нож в тушу, отрезал кусок мяса и начал жевать — жадно, не жуя, давясь. Шило и Рвань последовали за ним. Скоба стоял в стороне, смотрел, и его пустые глаза ничего не выражали.

— Ешь, — сказал Макс, подходя к нему. — Ты должен быть сильным.

Скоба посмотрел на него долго, тяжело. Потом опустился на колени, оторвал кусок мяса и проглотил — не жуя, как зверь.

— Хорошо, — сказал Макс. — Ты в стае.

Они нашли Плетущегося у болота.

Монстр был похож на огромную улитку — метра три в длину, с раковиной, покрытой слизью и грязью. Его тело было серым, пульсирующим, с красными прожилками. Из-под раковины торчали две головы — каждая с пастью, полной острых зубов. В правом углу каждой головы пульсировал слот — серый, пустой, но пульсирующий. Он был медленным, но опасным. Его слюна разъедала броню.

Макс чувствовал, как «Заводная кукла» напрягается. Её пластины-позвонки сжались, хвосты замерли. Она боялась.

«Его слюна разъедает металл, — сказала она мысленно, и её голос был низким, рычащим, но в нём чувствовался страх. — Если он плюнет в меня, я потеряю 20% прочности. Будь осторожен, хозяин».

— Стая, — сказал Макс, поворачиваясь к четвёрке. — Мы атакуем вместе. Гниль — заходи слева, отвлекай. Шило — справа, бей по раковине. Скоба — в центр, принимай удар на дубину. Рвань — прикрывай спину. Я добиваю. Если кто-то убежит — я убью его. Поняли?

Гниль засмеялся — высоко, истерично, как человек, который давно не спал.

— Ты хочешь, чтобы мы дрались с монстром? — спросил он. — Мы — люди. Мы не можем...

— Можете, — перебил Макс. — Потому что если не вы — умрёте вы. Или станете едой.

Он шагнул вперёд. Стая — за ним.

1.

Плетущийся не ждал. Он плюнул первой головой — струя зелёной, вонючей жижи полетела в Скобу. Скоба поднял дубину — жижа попала в дерево, зашипела, разъела кору. Древесина почернела, треснула, но дубина не сломалась.

Скоба зарычал — низко, протяжно, как раненый зверь, — и ударил монстра по раковине. Дубина треснула, но раковина выдержала.

Шило бросился справа, вонзил тесак в бок монстра. Лезвие вошло в плоть, но не глубоко — Плетущийся был толстокожим. Кровь хлынула — чёрная, густая, пахнущая гнилью.

Гниль заходил слева, метал камни в головы монстра. Один попал в глаз — вторая голова взвыла, дёрнулась, попыталась

укусить Гниля, но тот отскочил.

Рвань прикрывал спину — он стоял сзади и смотрел, чтобы никто не напал с тыла.

Макс ждал. Он сжимал кинжал, холод в правом боку пульсировал — быстро, требовательно. Кинжал чувствовал кровь. Он хотел её.

«Сейчас», — сказал холод.

Макс бросился вперёд, вонзил кинжал в основание первой головы — туда, где слот пульсировал ярче всего. Кинжал вошёл в плоть, и красные прожилки на лезвии вспыхнули. Кровь хлынула — тёмная, густая, пахнувшая железом и сладостью. Монстр закричал — не голосом, вибрацией. Его тело забилося, хвост (если это можно было назвать хвостом) ударил по земле, поднимая облако пыли и грязи.

«Ещё», — сказал холод.

Макс вытащил кинжал и вонзил его во вторую голову. Плетущийся замер. Его тело обмякло, раковина треснула, и из трещин, из щелей, потекла чёрная, густая жидкость. Он умирал. Медленно, но умирал.

Системное сообщение всплыло перед глазами:

«Зафиксировано убийство (Плетущийся, ценность: средняя). Сытость инвентаря: 58% → 64%»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.